

Итак, задача.

Дано: разгромленный просто в хлам центр квартала. На перекрёстке двух главных улиц — ни одного целого стекла и ни одной живой вывески, все мастеровые прилавки разорены. Неведомая сила подняла на дыбы брусчатку и наделала дыр в крыше, фасады в подпалинах, штукатурка и лицевая отделка — битые и стреляные осколками и пулями... При этом жители вторых и третьих этажей — несмотря на всё это парамилитарное безобразие — живы, ни на одном ни царапины, и вообще ночью никто ничего не слышал... И тут такое.

Найти: того, кто это всё сделал. Решение..?!

Если подходить к делу формально, то можно сразу сказать: тут орудовало никак не меньше гранатомётно-пулемётного взвода регулярной армии. А если точнее, то — парашютно-десантная группа с чётким приказом “всех нагнуть”: только у них так массово распространено автоматическое вооружение пистолетного и промежуточного калибров...

В условиях густонаселённого городского массива это и кажется, и является передовым по своей абсурдности бредом. Ну не могут сюда пролететь, проползти, пробраться сразу пятьдесят человек десантуры! Их ещё на дальних рубежах зашибут занитные башни-флактурмы и поднятые по тревоге истребители. Над славным градом Клокворком — практически никогда не касаясь земли — висит добрых два десятка авианесущих “Нахтфальтеров” со стаями ракетных “Комет” на борту; от них ни одному десантному планеру не убежать, пусть только попробуют! А если попробуют — и всё-таки прорвутся — то и тут им светит встреча с птицей Обломинго. Высаживаться на острые шпильки оград и верхних этажей — больно, выпутываться из строп в переплетении ветвей многочисленных рощиц — отдельный вид удовольствия; а пока десантники предаются этому преувлекательнейшему развлечению — их отловит и перестреляет вспомогательная полиция, читай — ополчение. Кто-то, может, и успеет сбежать... Но это будут единицы, по своей боеспособности совершенно не сравнимые с когортами мобилизованных тараканов в красно-рыжей форме.

А вот если подходить к вопросу не-формально..!

Для начала — и в-главных: как при таком масштабе боевых действий, сравнимых со штурмом дворца амина Саарбени во имя устранения последнего препятствия на пути выхода клокворкской армии на оперативный простор и проезду утюгом по вконец охамевшим штормградцам на их родной территории...

Нет, не так. Как вообще при таком масштабе палева из пострадавших — только семеро тяжело раненых, простите, бомжей, да и те делали здесь непонятно что?!

— ... А вот это правильный вопрос, сержант... Ищите!

Работа у красногвардейцев — не то что бы приятная... Их, потому что, на постоянной основе припахивают к работе “линейной” полиции в случаях, когда требуется квалифицированная вооружённая сила. Называть которой выпускников юридического факультета по спец-курсу — ни качественно, ни количественно, нельзя... Однако, честь первой зацепки сегодня принадлежала им: именно “пруссаки” нашли оставшийся в одной из витрин тубус ручного одноразового гранатомёта, причём — весьма характерной конструкции.

Тубус, естественно, мгновенно “развернули” — в смысле, на серийные номера, отпечатки пальцев и прочие опознавательные метки. Тем более, что жертв побоища оперативно приютила частная, но очень тесно сотрудничающая с “хиви” клиника доктора Эрли Моро — не позволила им загнуться раньше времени, а заодно и поведавшая много интересных подробностей относительно их личностей.

Медики подарили законникам второй характерный “якорёк”. И третий, кстати, тоже... Пострадавшие оказались не залётными бездомными, попавшими в междузубье житейских шестерён, а вполне себе штатными боевиками “группы Крейцис”. Анарха в этом, естественно, признаваться не собиралась, но кто б их, для начала, об этом спрашивал?! Характерные ожоги и шрамы на ладонях — обыденные при использовании “заводных” гранат, не менее характерные следы на плечах от долгого ношения оружия на сделанных из чего попало ремнях... Наконец, на руках и одежде одного из них нашли хорошо выделяющееся облако сажи от двигателя реактивной гранаты. Которая — как выяснилось практически на месте — была спонерена с городских складов... И, кстати говоря, рукосуйски доработана тривиальной бутылкой бензина, влитого в головную часть для лучшей взрываемости и зажигательности.

Наконец: после часового лазанья по уязвлённому пейзажу, специалисты и их дармовая рабочая сила надыбали целое ведро нормальных для отрядов, у(с)покаивающих разбушевавшихся магиков, “короткобойных” пуль и двумеритовых осколков... Точно таких же, какие извлекли из жертв ночного побоища. Причём, осколки принадлежали не только ручным, но и ружейным гранатам “первого с четвертью” калибра. Что, вообще-то, ещё больший сюрреализм, чем взвод десантников: после такого!-огневого контакта от боевиков, да и вообще квартала, остались бы одни угли.

Тут-то и заметили эксперты, что потери среди гражданских — сугубо моральные, от созерцания картины уличного разгрома и того, по какой бороде пошли все представительские расходы, вложенные в отделку фасадов и декорирование витрин. Ну, а заметив — им не сложно было уже установить, благодаря чему всё получилось так, как получилось.

Защитная печать “Великого Древа” — штука, действительно, очень действенная. Внутренний круг — Корень: дерево живо, пока растёт в земле. Внешний круг — Крона: пока светит солнце, дерево не умрёт. И средний — ствол: корень питает листву, а листва питает корни... Самое то, когда нужно не допустить жертв среди аборигенов той или иной местности. Их связь с той землёй, на которой они жили, “сливала” весь входящий урон, фактически, в никуда... А вот тем, кто приходил на эту землю нарушать безобразия — доставалось по полной.

Вот только по сложности и затратности всего, что можно затратить, это плетение — одно из сложнейших! Его круги чертятся не последовательно, а размеры этих кругов — колоссальны. Чтобы сотворить такую, надо либо иметь в личном пользовании авианесущий дирижабль — типа тех, что охраняют городской покой от десантников и прочих Лечублей — либо быть оккультистом, силы сильно выше среднего.

Первое — анреал: “Нахтфальтеры” в частные руки не продаются, а сами эти частные руки, возжелавшие приобрести такой, очень быстро оказываются на каторге. Второе — уже ближе к правде, но всё равно анреал: специалисты такого уровня — сплошняком “люди государевы”, и сидят под жесточайшим надзором... Или есть ещё варианты?!

— Вещай, курва...! Где эта тощая вешалка!..— сунул куцый ствол полуавтоматического “Маурера” сержант вспомогательной полиции под нос невысокому, очень похожему на воздушный шарик, доктору, которого и так уже сегодня развели на противоправное деяние.

— Отставить, сержант. Не обижай скотинку...— зевнул “хивинский” начальник, расстёгивая тесный воротник формы. — Она денег стоит и пользу приносит... В отличие от тебя.

Красногвардеец сердито засопел — чья б, как говорится, корова мычала, да ещё заикалась о пользе — но пистоль убрал. Городу и так ночью досталось.

— А с этим... Которого ты так неблагозвучно обозвал... Я сам уж перетру. Есть у меня для него наряд вне очереди, за причинённый ущерб.

Медик из своего угла только невпопад хрюкнул: нечаянный каламбур одного из его гостей оказался, действительно, забавным. Оказался бы!- если бы речь не шла об его, медика, давнем приятеле.

Собственно, о приятелях — и как они связаны с оккультным колдовством и вспомогательной полицией.

Для начала: с чего бы террористам, пусть и самым отмороженным, громить мастерские кварталы? Вроде бы, не логично: основной пропит городу приносят оборонные заводы, порты — воздушные и морской — и зенитные башни. Их бы громить в первую очередь?! Да и другие есть объекты, разгром которых даст куда как больше эффекта, чем шумер среди мелких лавочников...

Однако: улицы Часовщиков и Оружейников, на перекрёстке которых произошла судьбоносная встреча бомбистов и памятной уже пернатой твари, названы так не за просто так. Мастерские обитателей этих “линий” хоть и мелкие, но: их, во-первых, до фига — и работают они на ту самую вспомогательную полицию. Сорвать обслуживание и ремонт оружия и техники и лабораторную экспертизу — знаете ли, дорогого стоит. Пока не работают точные диагностические приборы и не стреляют полицейские стволы, можно многое успеть! Например, призвать какую-нибудь тёмную сущность, которую благодаря совместным усилиям мастеровых и сыскарей ещё можно развоплотить к чёртовой матери, не дожидаясь перитонита. Вот только...

... Вот только прежде, чем громить витрины и дома мелких лавочников, следует, прежде, вспомнить... Во-первых, одно из важнейших городских предприятий — машиностроительный комбинат “Красная искра” им. Констанцио Маурера — само по себе ведущий центр всякой разной экспертизы, и от разгрома десятка-другого мелких мастерских руки криминалистов короче не станут. А во-вторых, на этом заводе работает одна личность, живущая на всё той же улице Оружейников, дом сорок два — что в пределах полутора кварталов от места событий — и эта личность не любит производимого нарушителями общественного порядка шума. И у этой личности — среди прочих заслуг перед отечеством — имеются корочки внештатного сотрудника ОВП со штампом отдела ОКД на самом видном месте.

ОКД — это “оккультно-колдовская деятельность”, которая в руках какого-нибудь придурка способна натворить изрядных бед. А так как этот контингент никем не сеется, не пашется, а без видимых на то обоснований родится сам, то и вколачивать в откровенно тупые головы некоторые прописные истины приходится сугубо принудительно. Вот только методы этого священнодействия

зачастую далековаты от того, что прописано в нормах гуманизма и публичного права, в том числе и уголовного. Хулиганство, вандализм, неосторожное обращение с оружием, умышленные и непреднамеренные порча имущества (в том числе общественного) и причинение вреда здоровью различной степени тяжести... Смертоубийство наконец!- куда ж без него, родимого!..

Вот только масштаб разрушений, обычных при задержании и ликвидации подопечных отдела ОКД, всё равно несравнимо меньше, чем тот, который мог бы быть причинён в результате буйства всякой потусторонней и паранормальной дребедени. Редкие по своей поганости вилы, с которыми приходится мириться...

Но сельхозинструмент — это одно дело. А пулемётный огонь “на подавление” (хорошо хоть промежуточными!..) и гранатометание из нарезного тридцатимиллиметрового карабина — совсем, знаете ли, другое! Да ещё и димеритовой шрапнелью, которая при контакте с источником колдовских эманаций идёт в саморазогрев и способна вызвать пожар. Это, знаете ли, уже немного не эстетично, и вообще на грани дурного тона!

То, что сами вредители в ответ “дунули” ракетой — на этом фоне так себе, семечки. Как и встречное кидание друг в дружку ручными бомбами на механическом ходу. Издержки-с, основного делопроизводства!..

По-хорошему — изъять бы этот, сугубо военный, арсенал, а самого его владельца спихнуть в упячку и на общественные работы, месяца так хотя бы на два. Но — увы! Во-первых, это ценный специалист по настройке вычислительных систем, от аналоговых до потоковых. А во-вторых, у него очень мохнатая лапа в дирекции завода, военно-воздушном флоте и — прокляни, боже — Корпусе Чернокнижников. Который — буде он неладен — ещё более ядерная контора, чем КОД, и ни разу не палится своими связями с госбезопасностью.

... Да, но должен же быть хоть какой-то предел нарушению безобразий?!..

Увы! Но низкий гул турбин “Киреа” — флагманского дирижабля-ракетоносца со стаей реактивных “Ласточек” на борту — достигший пика своей громкости точно над заводской территорией, однозначно говорил: не сегодня. Снижающаяся многотонная махина, бывшая во всех смыслах первым “бортом” воздушного флота, диктовала свою волю и заводу вообще, и его сотрудникам в частности. Усиление охраны на проходной, ужесточение пропускного режима, вход только по мандатам от руководства ОКД и заверенному в заводской канцелярии запросу от командования ОВП...

Логично, чёрт побери, и вполне законно. На борту “Киреа” — спецбоеприпасы особой мощности, способные сдуть с лица земли целый замок со всеми стенами, башнями и подвалами, и там же — средства их доставки. Всё это — сложные и точные механизмы, и их проверка и отладка требуют максимального прилежания при минимуме беспокойства со стороны. Нечего шататься всякой мелкой сволочи подле такого гиганта! Тем более, с ворохом стволов и запчастей, наверняка поражённых каким-нибудь проклятьем на долгую и несчастную жизнь или косоглазие. Что в приложении к крылатым ракетам — весьма чревато... Нет уж! Тащите эту дребедень на защищённый склад, специалисты разберутся при первой возможности.

Но все же прекрасно знают: только лохи проходят на территорию по пропускам, самураи — всегда через дыру в заборе. Тем более, что организовывалась эта “чёрная” калитка — которую защищали только проволока-спотыкач да пара печатей, проклинающих на хромоту и повышенную привлекательность для служебных собак и охранных механизмов — как раз вспомогательной полицией и как раз для таких случаев.

Однако: гуляющие по периметру и территории злые чёрные собаки и ещё более злые механические крабы — это пол-беды. А адмиральский эскорт, неизбежно стоящий на пути к единственному эксперту подходящего уровня — способному считать с изъятого с места побоища арсенала все необходимые метки времени, действия и производственной принадлежности — это остальные две беды с половиной. И на них такие аргументы, как “пруссские” корочки и попытки давить служебным положением — не действуют.

— Вали отсюда, покуда цел! Чего тебе вообще тут надо, “хива-бухара”?! Делать нехрен?!

— Мне нужен чернокнижник! Требуется срочная экспертиза оружия, изъятого у...

— Мы тебя сейчас самого изыдем, куда-нибудь. — загундел, перебив ополченца, начальник караула, выползший из каптёрки на разведённый шум. — Припёрся, мать твою, со своим барахлом... Которое, небось, ещё и фонит всякой дрянью. Канай отсюда по-хорошему, пока не привлекли за саботаж! Канай! Да пошустрее... Мои нервы настолько же слабы и коротки, насколько сильны и длинны руки. Не испытывай их прочность на своей шкуре!..

Впрочем, это небольшое противоречие не помешало офицерам быстро прийти к обоюдному согласию. Им, как людям близких специальностей, несложно было заметить совершенно взаимное желание протереть друг другу оптику. Причём, как фигурально — приложивши по ней что-то тяжёлое

— так и буквально, залившись потребной для этого химической жидкостью с очень простой и понятной в любом мире формулой.

Баул с железками для исследования лаборантам передадут и так. А самого “кого надо” нужно просто дожидаться — даром что на заводе он не круглые сутки напролёт.

А вот теперь — познакомимся и с нашим героем. И им будет вовсе не адмирал, командующий ВВФ, в миру известный как “Седина в бороду, бес в ребро” (сейчас, поясним...), а по паспорту — как Сокко Глизетти. Хотя он тут тоже — отнюдь не последняя по значимости личность. Это с его и его брата подачи “Красная искра” сейчас работала на полную катушку, производя механические вычислители и разную мелкую технику, устойчивую к магическим помехам. И это с его подачи реализовывался проект сверх-тяжёлых “цепелинов” с несущими боевую часть особой мощности самолётоснарядами на борту.

Собственно, потому и — “Седина в бороду”: адмирал застал ещё появление “жёстких” дирижаблей системы Джузеппе Цеппели (Первая Великая ещё), способных долгие недели и месяцы зависать в заданном районе и метать в противника артиллерийские и реактивные громы и молнии — и он реально поседевши и бородат. Собственно, поэтому — и “Бес в ребро”: после Третьей Великой надувные гиганты оказались нужны просто до истерики — и всё благодаря тогда ещё не слишком старому командующему, гонявшему свои флотилии в хвост и в гриву на самые дальние рейды по вражеской территории. Практика показала: монструозная конструкция, в отличие от далеко выпрыгнувших со времён первых двух мировых кампаний самолётов, могла забираться в просто невероятные дали, маневрировать по самым глубоким тылам и сеять там хаос и разрушение, оставаясь недосягаемой для всех известных систем ПВО. А с появлением управляемых ракет и газотурбинных двигателей — и подавно превратилась в непредсказуемый трындец, способный перепрыгнуть любую непогоду и в буквальном смысле свалиться на голову в самый неподходящий момент, да ещё и отстреляться издалека, не влезая в опасную зону.

... Как связан этот, безусловно, не первостепенный персонаж с тем, кто сегодня в главной роли?! О, да очень просто! Благодаря этой “главной роли” состоялось то, что потом назвали “Киреа репортинг”. Авиаракетонесущий флагман как налетел на одну из ключевых крепостей в линии штормградской обороны, да как приобнял её ядрён-батонем!.. С тех пор адмирала люто невзлюбили “по ту сторону” — а его наводчик прописался на “Красной искре” и за штатом вспомогательной полиции.

Собственно, вот он, этот “наводчик” — в одной из комнат “прихожей” лабораторного модуля, изолированного от всего сущего мира, греет чайник и шарит в мини-холодильнике продукты на бутерброды. Что при двух метрах роста очень и очень не просто: холодильник на полу, а спина не казённая, и вольно или невольно, а приходится изображать собаку в будке. Поверх холодильника — ожиревшая от собственной важности папка с нарядами на проведение контрольно-наладочных работ, подпирающая два “кирпича” рабочей документации. Талмуды порядком потасканные, но надписи на чёрных переплётах, выдающие в них каталоги запасных частей для бортовых счётно-решающих устройств, сухопутных и авиационных, различить вполне реально. И тут же, рядом с умными книгами (во всех смыслах “умными”) — донельзя тривиальные хлеб, сыр и варёная колбаса.

На заводе вообще и в лабораторной спецсекции — обед. И час обеденного времени — священен.

— Не хочешь ко мне в штат, на борт? Мне как раз нужен бортинженер, их вечно не хватает. Оклад приличный, день за два, работа не пыльная...

— Не купишь — я высоты боюсь.

Адмирал и старший инженер-наладчик аналоговых счётно-решающих устройств и аппаратуры связи (ой, название, язык сломаешь пока произнесёшь!) — давние приятели, хотя неприятия между ними всяко больше. Первый из них просто — до известной степени недолюбливает что магические, что оккультные практики, и обоснованно их побаивается. Второму же военный народный выпендрёж — всё-то им подай ещё вчера, да такое, чтобы “не как у всех”, да со взаимоисключающими характеристиками, да чтобы делало всё, и при этом одинаково хорошо — далеко поперёк горла. Ну не точат на заводе болтов под семигранный накидной ключ с резьбой на три и одну восьмую точки! Ради каждого такого приходится самолично стоять и буквально под микроскопом точить треклятые крепёжно-скобяные изделия — а потом ещё и перетачивать, потому что резьба вместо нормальной нужна четырёхзаходная. Но три дня одного месяца можно и потерпеть: железо само себя обслуживать не умеет, а байки сами себя не перетравят.

— Зря, зря... Мехкорпусу как никогда нужны профильные специалисты.

— Бесполезно, тайщ адмирал. Я, конечно, не Паулюс — но имею мнение: тут от меня пользы больше, чем в строевых частях... Так, вот оно — это недоразумение.

Адмирала от характерно прозвучавшего “о-но” слегка передёрнуло: для него это, в первую очередь, один из наиболее богомерзких типов истребителей Островной Империи, “О-Но Кошинкай”, от

которых клокворкские авиагруппы во Вторую Великую несли неприемлемые потери. Ну не производились в тот момент времени Клокворком достаточно мощные двигатели!.. А островитяне их — делали, и в массовом количестве. Только скинутый на заседающие за тремя морями на весь череп военные головы ядрён-батон (первый в своём роде) остудил негодникам воинственный пыл и заставил их задуматься о том, что эта музыка закончится только вместе с одним из музыкантов, а длительность партитуры определяет площадь подконтрольных земель.

Во вторую очередь — это штормградское произношение, означающее в переводе “с ихнего на нашенский” сильно удивлённое “о, нет!”. С их “Ковчегами” адмиралу тоже пришлось повоевать — и не сказать, чтобы ракетчики, артиллеристы и пилоты были рады встречам с этими бронированными сундуками и стартующим с их палуб ордам истребителей-“худых”. Чуть не уделали целый флагман, между прочим!..

— И что ж за недоразумение ты мне приготовил?.. — поинтересовался, всё-таки, флотский, преодолев начавший накатывать вал мерзости давно прошедших дней.

— Ну, не то что бы что-то сверх-особенное..?!

Нedorазумение из холодильника оказалось “всего лишь” объёмной бутылкой весьма крепкой газировки на настое душистых трав. Куда как интересней было то недоразумение, которое её достало! Высоченный рост невольно делал молодого человека очень похожим не то на вешалку, не то на швабру, а короткий ёжик тёмных волос на голове, непримиримо растрёпанный, наводил на мысли о самой обыкновенной щётке, которой в цеху сметают металлические стружку и опилки. И то, что на эту усушенную, как вобла к пиву, фигуру удалось найти светлый рабочий комбинезон подходящего размера и кроя, само по себе уже было чудом.

Пожалуй, на этом все чудеса и заканчивались. Старший инженер-наладчик — это не про искусное колдовство, а про уровень подвластной ему техники, на некотором этапе становящейся совершенно неотличимой от колдовства. А обзываемая “чернокнижником” должность — звучащая мистически, загадочно, даже слегка угрожающе — это не более, чем сравнительно редкая (и потому крайне ответственная) разновидность волшебника, владеющего и оккультизмом, и магией.

Собственно: знак организации, готовящей таких специалистов — раскрытая книга с вложенным в корешок мечом — на рукаве комбинезона виден так же хорошо, как и какой-то бесовской огонёк во взгляде.

Хлопнув дверью холодильника, инженер нашёл на вечно оккупированном творческим беспорядком столе пару стаканов почище — выставляя их вместе с увесистой колбой газировки на приспособленного для обеденно-бытовых нужд сторожевого краба — давно поломавшегося, и потому поставленного “на цыпочки”, подпирать клешнями и сверкающим броневой бронзой панцирем каменную плиту; некогда — станину какого-то хитрого прибора, забракованную по каким-то чернокнижным причинам и обточенную до приемлемого состояния.

(Вправлять мозги этому крабу совершенно бесполезно — он с дирижабля оземь упал, все шестерёнки всмятку. А вот главный вычислительный блок, уцелевший в глубине корпуса, раз за разом перебирается, обновляется и успешно служит на благо родной конторы. Бардак на рабочем месте — как раз из-за него, уж больно много там миниатюрных винтиков, пружинок и зубчатых колёсиков.)

— Что на этот раз, товарищ адмирал? Какой недуг поразил ваше детище, что его пришлось пригонять целиком? — поинтересовался чернокнижник, разливая пенящуюся жидкость по стаканам — каким-то шестым чувством угадывая, когда остановиться, чтобы газировка не убежала прочь и наполнила сосуд точно под кольцевую выточку у края. Похожий на оживший кирпич вояка только пренебрежительно махнул рукой: вечно с этим железом что-то не так!

— Главная силовая... Мозги дурит. — признался он под пытливым взглядом, умиротворённо прокручивая стакан по каменюке. — Клапана теплообменной аппликатуры. Заедают — тупят в среднем положении, тянут волынку без видимых причин. Еле дотянули с Рюгена, на честном слове и такой-то матери.

Чернокнижник понятиливо кивнул: известная тема! Тепловые реакторы типа “флейта” не за просто так прозвали “заводным органчиком”: давление нагреваемого до нескольких тысяч градусов воздуха распределялось через сложную систему отверстий, открываемых и закрываемых исключительно хитрым механизмом с множеством регуляторов, компенсаторов и тяг. Пока это хитросплетение механических деталей стояло на стенде, или в заводской котельной — с этим можно было мириться. Проводить операции “на открытом сердце” по замене вышедших из строя приводов давно стало рутиной промышленных энергетиков... Но одно дело — когда эта дура кочегарит на земле, и совсем другое — когда она в небе! И размеры её таковы, что проще пригнать небесного тихохода целиком, чем разбирать половину его каркаса.

— Минимум на месяц встанем... Блин. — недовольно покачал “Бес в ребро” головой, всё-таки приобщаясь ко вкусу газировки, к которому успел пристраститься ещё в те дни, когда на его летающий

батон только-только воткнули первые двигатели, чей рёв ознаменовал рождение новой эпохи в авиа- и моторостроении. — Редкая засада, каких поискать...

— Да уж... Засада так засада. — сочувственно кивнул ему инженер-наладчик. — Только позавчера такой со стенда сняли, с припортового флактура. С той же проблемой... Слушай, твой главный энергетик не пытался случайно мощностями на нём маневрировать?!

— Ну, он же не тупой?! Наверное... — хмыкнул адмирал, понемногу посасывая напиток и с тоской поглядывая по сторонам: что бы ему такого заломать?! На родном мостике-то всё понятно: вот ограждение, вот крышка консоли управления, вот сторожевой краб-автоматон — и что первое, что второе, что третье можно ковырять хоть пневмомолотом, которым обычно вскрывают горные пласты, ничего не будет. А тут как-то и нечем размахнуться, и не по чему; всё такое хрупкое, тонкое, миниатюрное...

— Ну вот и я так думаю, что не тупой. Был бы тупой — крутил бы, как я, педали в мотокавалерии, а не реакторы обслуживал.

Когда-то старший инженер-наладчик, нечаянно породнившийся с флотом, служил в самой обычной мотопехоте. Которая по старой ещё привычке считалась уланами — ездящими солдатами — и числилась за кавалерией, но, по веянию новых времён, пересела на тяжёлые мотоциклы и вооружилась пулемётами и автоматами вместо копий и мечей. Но, благодаря кое-каким неприятным событиям, образ жизни пришлось изменить.

— ... Хотя — нет, пытался. Но не в настолько непотребном режиме.

Чернокнижник с редкой заинтересованностью уставился своего залётного собеседника, вынуждая его раскрыть детали:

— Мы отрабатывали технику радиоэлектронной защиты. После той встречи с “Ковчегом”!.. А он дал нам, просрать, с перепугу... Это один из важнейших номеров любых учений с нашим участием.

— Дай угадаю... Врубали радары в импульсном режиме и жгли дистанционно управляемые мишени?!

Сокко удовлетворённо кивнул:

— Врубали.

— И свиней в кабинах имитаторов взрывали..?!

— Отчего ж нет... Хе-хе. Взрывали! Вместе с самими имитаторами и снаряжными болванками. Искр было?! Как от вороны, залетевшей в трансформаторную будку. Видел бы ты этот салют!

Чернокнижник только довольно улыбнулся: подобные салюты он в своей вотчине наблюдал в изобилии. Но одно дело — когда молнии сверкают где-то за защитным стеклом, и совсем другое — когда они же скачут у тебя практически под носом, донося со случайным ветерком дикую смесь запахов озона, горелых металла и технических жидкостей и палёного мяса. Совсем разные ощущения, однако!..

Однако...

— Неужели настолько мощности не хватило?

— Отнюдь!.. Но либо мы стреляем — либо мы движемся. Пришлось кочегарить... Ну, и вскрылось.

— И кочегарили вы, вестимо, дважды в день...— предположил чернокнижник с умным видом. Но — немного промахиваясь:

— Не совсем. Видишь ли, друг мой ситный...— адмирал, брат директора завода, деловито погладил свою короткую окладистую бороду, больше подобающую какому-нибудь вестнику новогоднего чуда. — ... У нас топливная кампания на исходе. Была — если говорить совсем точно — на исходе. Поэтому мы, прежде чем выкручивать фитиль на полную, ходили на открытых клапанах и горя не знали. А на стрельбах нам, как понимаешь, пришлось подать стержни в активную зону на полную. Вот тут-то и началась светомузыка. Горело — как петарда в жопе. Нам пришлось циркуляцию через баллонеты запустить, чтобы не расплавить всё к хренам — настолько припекало. Несколько дней по квадрату нарезали круги, пока всё не устаканилось — ну, и к вам, как к профильным специалистам.

— А на Рюгене стендов расхолаживания нет...— поинтересовался с лёгкой ехидцей специалист по наладке точной аппаратуры — получив в ответ не менее кусачее:

— А это уже к вам вопросы. Точнее, к блокам “Цезарь” и “Дора” — они оснастку реакторную делают, и стенды для расхолаживания. Который год уже не можем?!

— Ну извини, это не я курю на рабочем месте.

Факт: в четвёртом блоке — по чьему-то недосмотру — случился нелепейший по своей причине пожар. Кто-то из работников во время вполне себе планового перекура безалаберно выкинул тлеющую папиросу, которую попутным ветром отнесло к протекающему баку с отработанным машинным маслом. И всё бы ничего... Но это было масло пониженной вязкости, больше похожее на тривиальный бензин?! Что закончилось вполне предсказуемыми убытками на несколько миллионов тал. Или, в более привычном эквиваленте, где-то на полторы тонны химически чистого золота.

Помимо того, что пришлось сносить и отстраивать на новом месте две больших площадки — пожарище окультурили и превратили в зону отдыха с парком и рыбным прудом — “Красная искра” сорвала военных контрактов ещё тонны так на три, и гражданских на четыре с половиной. Удар был — каких предприятие никогда не знало...

В числе заваленных контрактов был — не сложно догадаться — и заказ на аппаратуру для деактивации и обслуживания реакторных установок сразу для нескольких крупных объектов. И из-за этого Сокко “Седина в бороду, бес в ребро” Глизетти сейчас страдал как никогда.

— Нет худа без добра, мой юный друг. — всё-таки довольно усмехнулся военный воздухоплаватель, по довольно тривиальной для своей профессии причине:

— Хозяйство моё, корабельное — сложное, путаное. Нам всё равно светила постановка в завод, матчасть должны были обновить... А лётчики..?! Да ну их к бесу, этих лётчиков! Новые машины им светят ещё не скоро, а им уже на этих стрёмно летать как на “не модных”... Ишь ты, щёголи! Пущай с наземки полетают, погоняют “серых волков” торпедами. Привыкли уже к своей автоматике: знай себе жми на кнопки, да за компасом следи! А я ещё помню первые “этажерки”, как долбились в три полена в одну щель. Курс, высота, скорость — а по тебе ещё лупят со всех стволов откуда ни попадя, а ведь надо ещё момент сброса не прошляпить, и несколько заходов пережить!.. Та ещё жесть была.

— Угу. Кровельная... — хмыкнул представитель того самого “щёгольского” поколения, “привыкшего” к автоматике. Биография у Сокко была — на зависть всякому! Вот только, как порядочный рыбак, он иногда любил приврать — например, о том, что летал на торпедоносцах; хотя на самом деле видел он их только на картинках, да и те были силуэтами в атласах различения своей авиации от чужой. Впрочем, вожаку небесных тихоходов было простительно; и приврать, и слегка заговариваться.

— Если что...— продолжил технический доктор, — ... Это всё вот вообще ни разу не ко мне. Давайте все эти бланки, наряды, и что там ещё есть — я выпишу как положено, “по форме”... К слову, она у нас опять поменялась.

— Тыфу ты, ёптыть... Бюрократы проклятые. — фыркнул адмирал, заёрзав на стуле. Количество бумажек на его посту зашкаливало просто феерически, и переделывать уже заполненные бланки ему было откровенно лень.

— Отчётность!—с...— только что и можно было ответить на это. — Сами понимаете: дела ядерные, вельми непросты и зело опасны, контроль за ними глаз да глаз.

— Да можешь не учить, сам знаю!.. Полетаешь с моё, да со спецгрузом на борту — и не такой дзен почувствуешь... Одни только диатомитные бомбы чего стоят, молчу про “родоссы”.

“Родосс” — или РДС-2 — та самая сверх-мощная бомба, которую военным Клокворка пришлось перестать бояться и начать любить. Расшифровывали её название по-всякому, но более или менее официальным закрепилось: Ротативная — боевая часть, в смысле — с Ремедит-Диатомитовым взрывчатым веществом и Двимеритовыми поражающими элементами, Системы Сокко — вот этого вот самого, да. И сколько стоило трудов заставить работать этот механизм и отмасштабировать его, чтобы вписывался во внутренний объём самолётоснарядов без потери в поражающей силе — только одному создателю, наверное, и ведомо.

Чернокнижник эти хитрые машинки обслуживал — как изделия, особо подверженные риску самонаведения на себя порчи, вселения потусторонних сущностей и распространения этих явлений на системы и механизмы вокруг.

— Кстати, о “Родоссах”... Когда у них там была гарантийная проверка? Раз уж вас ставят в завод...— поинтересовался шарящий в точной машинерии специалист, приглаживая взъерошенную ботву и, щёлкнув автоматическим карандашом, принимаясь набрасывать на подобранном со столика бланке формулировку наряда на соответствующие работы.— ... И не угодно ли вам будет сегодня, а может даже завтра, в нами так возлюбленную “Крейцерову сонату”? Там, говорят, программа новая культурная — наши в “Шершнях” чего-то сообразили, гости... Если правильно афишу помню — “Катарсис”, “Рубаки”, “Железная леди”, “Электрики”, “Радуга”, “Горький-парк”... “Металлисты” штальверкские с “Белыми змеями” новый альбом презентуют...

— ... Однозначно, иду. — решительно заявил Сокко, едва услышав знакомые имена. Хотя он и посматривал на молодое поколение с известным снисхождением, но в стремительно отвоёвывающую умы и души аудитории новую музыку — тяжёлую, жёсткую и громкую, как ракетно-артиллерийская пальба, бомбо-штурмовой удары и “собачьи свалки” истребителей эскадренного воздушного боя — он бесповоротно влюбился с первых нот. Вот и сейчас эта любовь попёрла через край, однозначно обнулив все, сопутствующие ситуации, невзгоды с барахлящим реактором и долгим и нудным простым в эллинге.

— Ради такого случая — гуляем за мой счёт. — попытался он даже возглавить предстоящее нарушение безобразий, но не прокатило:

— Но-но, парниша, не торопитесь. — картинно погрозил ему пальцем инженер. — В вашем возрасте вредно налегать на беленькую, хлебните лучше тёмненькой.

— Ты меня ещё в пешее путешествие по женщинам пошли. — усмехнулся флотский командующий. — Сам с Ромой “Фашистом” объясняться будешь. Я ж ему так и скажу: ты меня, прямо направил, а я конечно ж по стойке “смирно”...

— В вашей войне белых и серых с чёрными... — шмыгнул чернокнижник носом, — ... Я всецело на стороне красных. Так что... Шли бы вы, товарищ адмирал?! На побывку домой? Братове о вас уже, небось, обмечтались дальше, чем видно с высоты в лучшую оптику...

Родней адмирал обижен не был: трое братьев, две сестры, и все младшие. Другое дело, что при всём своём знатном происхождении — а род Глизетти был в своё время достаточно влиятелен и богат — все эти родственники (а также ещё живые два поколения предков) друг друга заслуженно недолюбливали и, будучи на одной локации вместе, составляли критическую массу противоречий и здоровой внутривидовой конкуренции с типичной подковёрной и закулисной грызнёй обо всём подряд. Даже с первым (по возрасту) из своих братьев Сокко был в известной степени на ножах, чтобы обходить заводскую канцелярию двенадцатой дорогой...

— Нет уж... Уважаемый. Я лучше как-нибудь по старинке, пешочком по женщинам. — отшутился главный на всю округу доставщик подарков за “хорошее поведение”. — Но завтра вечером — жду тебя со бандиты у Крейцера.

Бухтели за жизнь адмирал и инженер долго, до самого конца рабочего дня, обсуждая всё, что положено в подобных случаях обсуждать. Флотский вещал о своих и экипажных успехах на поприще военно-технической науки. Сухопутный угощал его газировкой и кофе с пряниками. И вроде бы пора им было по-человечески расстаться до следующего вечера и отбыть с чистой совестью домой...

— Глок ауф, камерад..! — раздалось такое нахальное и знакомое от проходной лабораторного спецблока, что в его источник захотелось высадить не меньше пулемётной ленты.

— Тьфу ты!.. Фашист проклятый. — не особенно дружелюбно фыркнул чернокнижник фигура офицера ОВП, припёршегося на завод в надежде застать своего внештатного сотрудника не на рабочем месте. — Ты чего тут забыл, как вообще сюда попал.

“Фашист” на всю вспомогательную полицию в Клокворке был только один.

— Я по служебной необходимости много чего могу... Слышь, подбрось до родного зиндана?! А я тебе мотоцикл заправлю...

Заправка мотоцикла — хорошая компенсация столь неудобного соседства. Осложнённого, вдобавок, тем, что жили законник и механик в разных концах одного района; весьма не маленького, и заметно ещё от завода удалённого... Ну да: именно той стороной, куда надо было полицейскому.

— За мотоцикл — так уж и быть, подброшу. — заворчал, слегка замотанно, чернокнижник, делая коллеге и условному начальству знак следовать за собой. — Но реально: какого тебе хрена тут надо?

— Обычного, Кайт. Самого обычного... — по-служебному тяжело вздохнул “хивинец”, поправляя пояс, сбившийся за часы употребления с флотским караульным офицером разбавленного спирта.

— Тёртого, наверное...

— Да не совсем... С!.. Если бы дело было только в овощах?! Я, может, и не припёрся бы...

— Но ты, как я вижу, припёрся.

Полицейскому, обладателю не самой благопристойной погонялы, оставалось только пожать плечами. Увы, служебная необходимость!

Ромина Романовича Кортеза — тоже отнюдь не первостепенное лицо в городе — в основном знали по тем политическим взглядам, которые он исповедовал в своей ранней молодости; и которые ему пришлось пересмотреть и отставить для поступления в школу милиции. Увы... Но вселенной на эти

переобувания было глубоко, и она цепко взяла своего цыплёнка даже не за что-то, а просто – взяла! Старые связи ему припомнили уже на втором курсе, и выше, чем заруливать ополченцами в сержантском звании, Кортезу было более не суждено. А так хотелось солнца!..

Солнце ему взошло, когда он по своей инициативе нарвался на чернокнижника! По мнению самого Кортеза, он поймал опасного рецидивиста, решившего пробраться через водостоки на городские склады и потешить личные надобности за счёт общественного имущества – да ещё и тяжело вооружённого. Да ещё и в составе преступной группы!.. Однако, попытка взять рубриканта нахрапом потерпела провал, и Кортеза, связанного силами третьего участника тех событий и запихнутого в бочку из-под масла, уже самого доставили в отделение по аналогичной предьяве.

Там Фашисту очень доступными словами объяснили: не по понятиям вниз кидать телевизоры! Во-первых, негоже ходить в такие опасные места в одно рыло. Во-вторых – научись, падла, использовать сигнум (прибор, типа очков или прицела, проявляющий линии магических потоков), чтобы отличать своих от чужих и не возбуждать и так измотанную полицию на профилактические леши. Во-вторых же – выучи матчасть, и запомни: чернокнижники со товарищи, буде на задании, ходят с техномагическим оружием и имеют право размотать любого, кто мешает им его применить. «Ну, а раз ты такой дурак – то получи на погоны»(с).

Погоны выдали – капитанские. А обязанностей навалили – генеральских. В число которых входило законодательное сопровождение всех устроенных рубрикантами безобразий и ликвидация последствий их деятельности в виде сданных в отделение вредителей и открытых на них дел. А ещё – наводке на «интересные» (в смысле, требующие особого внимания) места и события, где не лишней была бы помощь специалистов по потусторонним делам.

Вот, в частности, из-за последних – щеголеватая фигура полицейского в рыжем кителе поверх чёрной формы (проклятое наследие “Fascia de Nazional”!) тащилась сейчас за куда как менее броской персоной. В отличие от представителя закона – которого в городе должны видеть как можно чётче и опознавать как можно быстрее – полевая одежда мотокавалериста укрывала своего хозяина от наиболее цепких взглядов. На полную аутентичность рассчитывать, конечно, не приходилось; но сапоги и куртка летюговой кожи с внешними защитными пластинами виверновой чешуи и броневыми щитками в подкладке, броки «военного» кроя с накладными карманами и характерный шлем, сделанный из «рогатой» каски со штурмовым щитом и поднимающимся забралом – были более чем узнаваемы.

Такую форму местные вояки не носили. Более того, у армии Клокворка мотокавалерии никогда не было - её более чем успешно заменяли боевые автоматы. Каски с роликами «рогов» и куртки

такого кроя носили в Штальверке – дизель-электронно-ядерной стране (и её столице) к северо-востоку от бронзово-электро-механических границ. Там же делали и ставшие легендарными «Харли унд Квин – десять-восемьдесят» - тяжёлые дизельные мотоциклы, проходившие во время породившей их Третьей Великой войны любую грязь и стойко переносившие все тяготы, невзгоды и наваленные на них вьюки.

Как раз такой «НК.1080» и выкатил с заводской стоянки в сторону, которую оба его седока могли назвать домом. Но, прежде чем причалить к родному – пришлось прежде заглянуть в казённый.

— Кайт, не спеши уезжать..!- толкнул его Фашист, сползая с седла. Вид молодого человека в зеркале витрин в лучах заходящего солнца и первых фонарей выдавал желание кого-нибудь замучить и купить, наконец, машину – чтобы не гонять по пустякам и мелочам служебную.- У меня для тебя два известия, одно лучше другого.

— Три.- поправил его чернокнижник.- Ты мне должен за бензин и рассказать, какое второе.

— Значит, чек за ночной погром ты – оплатишь. – строго указал ему стоять на месте «хивинец», бодро промаршировав в участок и выразительно хлопнув за собой дверью под мелкие смешки дежурных экипажей, устроившихся на стоянке.

Умом Кортес понимал: взятки с товарища-мотоциклиста – гладки. Приютившие их конторы друг другу не подчинялись, и имели полнейшее право посылать друг друга «в пешее по женщинам». Но уж очень хотелось хоть что-то предъявить за экстренную побудку и общение с флотскими караульными.

«Оплачу, оплачу... Конечно...» – почти согласно покачал головой чернокнижник, снимая давящую наушниками каску кавалерийского образца – унифицированную с пехотной по форме, но несколько отличной по содержанию. Времени у него было – вагон, некоторыми бытовыми обязанностями и потребностями он был обделён, так что абсолютно ничего не запрещало поставить старого доброго «Харли» на подножку и, облокотившись на руль, уставиться в закат. Жизнь была по-своему хороша, и это было неплохо.

Долго ждать Фашиста не пришлось – он столь же боевитой манерой прошествовал от дверей участка к стоянке, вручив хозяину мотоцикла очень пухлый конверт с печатями – сразу спрятанный в планшетную сумку – и талонную книжку на топливо.

— Вали отсюда нахрен... И чтоб этой ночью я о тебе не слышал. – проболтался он о внеочередной ночной вахте, «повешенной» ему «за разгильдяйство на рабочем месте». Именно с такой формулировкой и приходили взыскания за бесчинства ОКД в отношении гражданского имущества: по

своей сути, отдел самонаводился на допущенные министерством внутренних дел недоработки в отношении пресечения незаконного заклинательства и колдовства.

Оказавшись дома и поставив стального коня в гараж, каланча-мотоциклист поднялся на второй этаж своего дома, совмещённого с вроде бы обыкновенной лавкой-мастерской по ремонту, обслуживанию и изготовлению ювелирных и малоразмерных механических, электрических и электронных изделий; в названии которых слова «... содержащих в себе магическую компоненту» суть опущены за своей очевидностью. Под эти нужды был отведён весь первый этаж, где делалась вполне себе гражданская работа – возвращение высыпавшихся из перстней камней, памятная гравировка, постановка на место часовых стрелок, пайка чего-нибудь на заказ, искоренение «электронных призраков» из одержимой домашней техники... И ещё много всего, о чём вслух говорить не принято.

Но это первый этаж, условно – проходной двор. Настоящий смысл бытия сокрыт на втором! Там и спальня, и кухня, и приближенный к библиотеке (весьма богатой на справочно-специальные издания) рабочий кабинет. В котором, помимо прочего, можно было («можно было» – бы, посмей туда залезть посторонний) найти и небольшое чудо техномагического искусства.

Знакомьтесь: кодовая машина «Эдельвейс» – одна из нескольких в своей серии, наречённой именами цветов. Принцип работы?! Сначала – цифры и буквы оригинального сообщения хитрым механическим прибором, похожим на помесь арифмометра с кофемолкой, определённым образом перемешиваются; после чего – этот бисер прожигается в пластинке кристалла несколькими, накладывающимися друг на друга, лучами света через стробоскоп. И не зная исходных настроек механической и оптической частей – прочесть эту мешанину почти нереально. Тем более, что поверх неё может быть какая-нибудь гравировка, или иное декоративное изображение, скрывающее истинную суть послания. Зато помещалось на неё – до фи́га и ещё немного больше.

Такую «гравюру» чернокнижнику и передали. И сообщение в конверте, на три четверти занятом пузырчатой плёнкой, было на удивление коротким, но ёмким:

— Оперативному лейтенанту инженерно-технического отдела Кайтену Гроссу... – начал вслух читать себе под нос чернокнижник, попивая приготовленный во время дешифровки кофе со сгущёнкой. – ... Сообщаем вам, что в последнее время в вашем регионе аномально возросла активность агентуры Штормграда. Предположительно, готовится акция по ликвидации некоего важного лица. Подробности и особые указания получите от Р.Р.К... Игнис нуклеар термика.

Вынутая из дешифровщика пластина была завёрнута в механическую распечатку, после чего, согласно произнесённой формуле, вспыхнула и исчезла, не оставив после себя ни следа, ни пепла.

Послание из головной конторы – похожее на игральную карту «достоинством» в тройку стрел – особой ясности в жизни чернокнижника не добавило. Как не добавило и засунутое в тот же пакет приглашение на какое-то общественное мероприятие... Вроде бы, на презентацию коллекции вин?!

«Простите – что..?!» – подумал про себя Гросс, задумчиво изучая свёрнутый вдвое лист, типа тетрадного, украшенный россыпью вензелей и каких-то знаков, должных обозначать награждение отправителя разнородными регалиями.

Судя по количеству титулов и знаков отличия, событие должно было произойти где-то на территории дружественной Клокворку коалиции герцогств, княжеств и баронств, по чистому недоразумению называемых Союзом Вольных ремесленников и торговцев; а в просторечии – Ганзейской Унией и Торговой федераций. Вроде бы как, «по идее» это формирование должно было стать противовесом точно такому же недоразумению под названием Тиморрская Конфедерация – поддерживаемому Штурмградом и играющим роль буфера между бронетанковыми и механизированными войсками Клокворка и Штальверка с одной стороны – и полчищами колдовских тварей с другой... Не сильно отличающимся от своих спонсоров буфером: олигархи Столицы Бурь практически не изменились за три сотни лет своего владычества над подчинёнными им землями, и единственное, в чём они реально продвинулись – так это в заклинании неупокоенных душ, призыве с того света всякой сволочи и генетических экспериментах по выведению гомункулусов, химер и прочих причудливых тварей.

На все эти шевеления высокородных гадов Гросс смотрел со снисходительным презрением. На его исторической родине всех «господ» раскулачили ещё в прости господи каком году, не сильно задолго перед Третьей Великой, и (что характерно) сами раскулаченные этому не противились. Видимо, усвоили главный урок политической экономии: не будешь давать своей армии – будешь изнасилован чужой... Да и в Клокворке происходили похожие процессы: здешняя знать, так или иначе, была служивой, и свои титулы получала и подтверждала реальными заслугами перед отечеством. Именитые рода стабильно и регулярно рапортовали властным структурам: есть новый рекорд урожайности!- есть новый рекорд выплавки стали!- есть очередная, введённая в эксплуатацию, электростанция!- есть новые спущенные со стапелей корабли и выпущенные из эллингов дирижабли!- и за это имели право именовать себя земле- и душевладельцами.

Адмирал Глизетти принадлежал к числу как раз таких. А вот личность, подписавшая бланк приглашения – наоборот. И это вызывало вопросы, в известном смысле неразрешимые.

Гросс виноделием не увлекался, и к культуре употребления благородного напитка отношение имел едва ли большее, чем к ганзейским оружейникам. С какого тогда перепугу его приглашали в один из центров аграрного хозяйства, да ещё и люди, насквозь ему не знакомые?

Личные мотивы можно было исключить сразу же. Из более или менее именитых горожан, Кайт контактировал только с адмиралом, да и то лишь по служебной необходимости. Никого из «благородных кровей» среди тех людей, с кем ему доводилось пересекаться, он не знал – а даже если бы и знал, то узнавать оных никакого желания у чернокнижника не было. Дворцы его не привлекали, а для починки поехавшей мозгами вычислительной техники можно было найти и более шарящих в теме специалистов.

Да и кто бы мог его отрекомендовать, раз уж о том пошло? Про лабораторию специальных исследований «Красной искры» широкая общественность знала только то, что такая лаборатория существует. Личность, штат сотрудников и конкретные направления деятельности подразделения являлись служебной тайной, тщательно охраняемой от посторонних – «утечь» эти сведения, да ещё в подобном масштабе, не могли никоим образом.

Если же «на месте» действительно было необходимо участие – или вмешательство – чернокнижника, то рациональней и быстрее было бы обратиться напрямую к Коллегии, а не изыскивать способы пересечения в частном порядке. Тем более, рассылая кому попало приглашения куда попало: устранение последствий магических коллизий требовало известной глубины проработки вопроса – читай, специализации – и привлекать для этого дела случайных людей было сродни починке сапогов пирожником, и даже хуже.

С этой точки зрения, сообщение из Коллегии выглядело, мягко говоря, странно, и даже неуместно. Частное приглашение плохо сочеталось по смыслу с официальным направлением... Если только, конечно, у него не было какого-то «двойного дна».

Определённо, это совпадение не было случайным. А если что-то не случайно совпадает – значит, у этого совпадения в основе есть некоторые факты. А любой факт можно, так или иначе, подвергнуть сомнению и проверить.

Допив кофе, чернокнижник щёлкнул на дешифровщике тумблером – отключая его от сканирующего устройства и устанавливая сопряжение с домашним архивом. Вёл он его, по большей

части, по-старинке, на обыкновенных, заполненных от руки, бумажных бланках в классических картонных папках... Однако, благодаря развитию технических средств обработки и хранения информации и их внедрению на родном заводе, известная часть документации «лёгким движением руки»(с) была переведена на интеррефрактные поляроидные карты – типа тех, которыми Коллегия общалась со своими сотрудниками.

С технической точки зрения, после установки дома каталожно-сортировочной машины жизнь Гросса стала проще. Большая картотека на несколько тонн сваленной на стеллажи макулатуры поместилась в небольшую кладовку. Размер устройства, напоминающего помесь ходиков с кукушкой и слайдопроектора с очень большой кассетой, был едва больше укладки не доверяемых ему по чисто практическим соображениям бумаг. Работал механизм не в пример оперативней сопоставимого по возможностям штата архивариусов, не требуя при этом выходных и зарплаты. Защита выделенного под всё это хозяйство помещения была не в пример проще. Ну, а освобождённая от залежей документации жилплощадь была немедленно переделана и поделена на гостевую комнату и гараж – так удачно сошедшимися на планировке с ведущей на второй этаж лестницей.

Зашуршал в опечатанной выгородке механизм, выводя на плоскую панель рабочего экрана окно рабочей среды – точной копии той, которая использовалась на заводе. Для частного использования она, конечно, была не слишком удобна – тем более, что Гросс «увёл» её к себе уже достаточно давно, когда она только вышла из-под пера рунографов – но ответственный за её создание коллектив трудился, не покладая рук, регулярно накатывал версию за версией и обещал уже к концу года выпустить «Вин-Ворк», пригодный для домашней эксплуатации... Впрочем, переходить с уже хорошо освоенного «документооборотного систематизатора» на девяносто восьмую версию «рабочего окна» чернокнижнику нужды не было: с его запросами вполне справлялась и такая древность.

Несложный поиск по скудным ориентирам, обозначенным в приглашении, быстро вывел Гросса на отправителя. Действительно, территория Ганзы. Действительно, родовое имение – и причём весьма зажиточное. И – действительно, представляющее для Коллегии (и для вражеской агентуры) практический интерес.

Герцогство Амбрия (столица – город Раккионе, несколько более пятисот тысяч человек населения) можно было назвать одним из самых преданных сторонников Клокворка и чуть ли не инициатором создания Ганзейской Унии. А его правители из рода Димитреску де ла Карнштейн, помимо того, что содержали феодал в образцово-показательном состоянии, были ещё и известными авиаторами – давшими немало джазу во времена Второй и Третьей Великих. Причём, штормграских «худых» они

громили по семейному подряду: в одном строю летали уже почивший в бозе глава семейства, двое его сыновей и младшая внучка.

Собственно, именно она сейчас и владела родовым поместьем – где, помимо обширных виноградников, располагался очень не кислый по возможностям аэродром, способный принимать реактивные перехватчики и тяжёлые ракетонесущие дирижабли.

Собственно: фотография самой герцогини перед своим собственным тяжёлым истребителем, украшенным фамильным гербом и отметками о нескольких десятках сбитых негодяев, на фоне «Киреа» говорила достаточно о многом.

«Так-к..!» – поймал себя на мысли Гросс, отвлекаясь от чтения и в одно движение переезжая от массивного рабочего стола-уголка к небольшому квадратному «вспомогательному» столику, чтобы прогреть кофейник и до конца осознать прочитанное.

Всё, что было так или иначе связано с боевой авиацией, прямо касалось адмирала Глизетти. Который, в силу своего происхождения, о такой видной личности не знать не мог. Особенно – если эта личность засветилась на фоне его детища в до-реактивные ещё времена...

Ради общего развития, Гросс даже достал из кармана «палм-таб», на котором открыл подборку фото с героиней дня. На поверхности кристаллической пластины, обрамлённой серебристой рамкой, замелькали пикт-снимки с различных официальных церемоний и торжеств, где герцогиня неизменно предстала, в первую очередь, заслуженной героиней очищения небес от охамевших стервятников. И всегда – рядом с самолётами. Двухсот семнадцатые «Дарнет», сто восемьдесят седьмые «Фалькен Фокс», трёхсот восемьдесят восьмые «Юнте «Штернбрейхер»»... Наконец, ставшие неприятным сюрпризом для противника «Ласточки» и «Нахтзельгеры» – это уже самые последние военные дни, когда союзные ВВС Клокворка и Штальверка, кхм-кхм, штангами дозаправки мерились.

Большинство снимков относилось либо – к разнообразным авиашоу, ассоциированным с реконструкцией некоторых приснопамятных событий, либо – непосредственно к этим событиям. Однако, попадались и сравнительно новые снимки, где миледи Цирцея «светилась» на фоне современных машин. Что по-своему намекало на то, что её увлечение давным-давно вышло за рамки семейных норм приличия и превратилось из «подобающего занятия» в образ жизни.

«А где образ жизни – там и род занятий. Лётчики в принципе на голову больные люди, а уж спортсмены-пилотажики – так тем более... – подумал про себя Гросс, разводя кипятком кофе (который

«оно») и подъезжая обратно к столу. – С них станется покупать на свои кровные «ястребки» и нещадно их эксплуатировать в интересах военно-воздушных сил.»

Увы – но этим информация о личности, возжелавшей увидеть в своём доме чернокнижника, в картотеке исчерпывалась. Куда как больше было о виноградниках, сортах произрастающего в них винограда, выделяваемом из них ассортименте вин... Влиянии виноделия на развитие химической промышленности в регионе... Об истории поместья, возникновения там аэродрома, истории самого аэродрома и стоящих в ангарах самолётах. Ну, и биографии славных предков – чей жизненный путь оборвался тем или иным образом многие лета назад.

«Надо спросить про неё у Сокко, раз уж он тут со своей дерижабой... Что у неё там могло приключиться? Блудная душа в противопомпажном автомате?! Или одограф вместо курса херы половые рисует?...»

Задумчиво прокрутив архивные сводки туда-сюда по экрану, Гросс, допив в полтора глотка объёмную кружку заметно остывшего кофе, проехался по кабинету за свежей порцией. Смягчая локтём столкновение с краем столика и подставляя кружку под разливочный носик висящего над декоративным костром чайника, чернокнижник дотянулся до лежащей на краю стола книги в порядке потасканном переплёте и машинально открыл её на первой попавшейся странице.

На удивление, книга оказалась новеллизированной биографией основателя «Красной искры», не только создавшего пистолет своего имени, но и сделавшего разработку всяких сложных механизмов не забавным увлечением на потеху богатырям, а ведущей статьёй городских доходов, потянувшей за собой Клокворк на вершину инженерно-технической мысли... История была интересна не столько тем, что её герой был выдающейся и неординарной личностью – как раз с этим у благородного дона К. Маурера были проблемы – сколько из-за того, что ему пришлось развести редкий по своим масштабам закулисный кипиш.

В чём-то это было логично: Маурер хоть и интересовался по жизни пружинами и шестерёнками, но его сызмальства готовили принять в управление дарованную за заслуги каким-то там предкам провинцию – и не воспользоваться навыком дипломатии среди точно таких же, но куда как менее настроенных на подвиги, личностей было (бы) попросту грешно. Для решения же прочих вопросов, присных, сущих и текущих, существуют многочисленные доверенные лица, помощники, заместители и умение делегировать полномочия. В частности, он многое доверял своему придворному магу, который первым и выдвинул идею о том, что...

«... Стоп..!» – поймал Кайт себя на мысли о том, что имеющееся у него досье, закономерно, не полное. Что было не удивительно: он переписывал в архив только те дела, которые касались его сферы деятельности – и только те факты из этих дел, которые к ней прямо относились. Глава книги же недвусмысленно сигналила ему жирным шрифтом вверху о том, что у нормальных людей есть дела, помимо пересидывания винограда на спирт, обслуживания самолётов и строительства дирижаблей.

Отпустив кнопку механизма розлива, чернокнижник с кружкой в одной руке и раскрытым томом художественной биографии в другой подъехал обратно к столу – вспоминая, наконец, почему он некогда оставил чтение этого тома именно на этой странице. Новеллизация весьма живописно и с множеством интересных деталей рассказывала о любовных похождениях несостоявшегося виконта во времена, когда он ещё только собирал часовщиков, оружейников, механиков и прочих мастеровых в первую в истории Клокворка политическую партию – и всеми правдами и неправдами разводил себе подобных на земли, мастеровых, технологии и право покупать и продавать в регионах по своим правилам. Женщины в этой истории играли едва ли не большую роль, чем Вольфганг Федерле фон Мессинг, граф Калиостро, бывший эдаким Мерлином при своём собственном короле Артуре...

«Креатив, определённо, такой себе – дефективы Донецкого и то лучше, зря его серию про Ваню Польстера ругают...» – согласно с собой кивнул Гросс, закрывая книгу и откладывая её ещё дальше, чем в прошлый раз. Увы! Пятидневный кутёж на императорском приёме, где отличились в широчайшем смысле слова все, был важной составляющей сюжета, и пропустить эту живописанную оргию не было никакой возможности.

— На что я трачу свою жизнь... – покачал чернокнижник головой, прихлёбывая кофе и виновато вздыхая в сторону небольшого кубика светлого кристалла в серебре, свисающего с запястья на тонкой, как шнурок, серебряной же цепочке. – ... Вот мог же стать нормальным человеком?!

Нормальным человеком Гросс, после своего обращения в чернокнижника, стать не мог ни при каких условиях и даже при всём желании. Но солнца-то ведь всё равно хочется!..

Отложив страдания копошащихся на чердаке тараканов о былых делах до лучших времён, Кайт, неторопливо попивая кофе, принялся неспешно пролистывать с клавиатуры документацию – уже догадываясь, что он увидит, а чего наоборот, не дожждётся.

В биографиях Карнштейнов не было почти ни слова об их личной жизни.

Некоторые причуды светского общества – определённые пережитки которого остались и в самом Клокворке, даже после ослуживливания знати – Гросс не понимал настолько же, насколько голодный не разумел сытого. Например, их тягу выставлять всё своё житьё, мало чем отличающееся от обычного гражданского, на публичное обозрение. Кто с кем был, кто где гулял, у кого столовался и чьими стараниями получил развесистые рога... Светская хроника пестрила подобными заметками, разносимыми дурным поветрием по всем печатным изданиям.

Наверное, поэтому Сокко Глизетти сразу же, как только перепала возможность, поспешил размежеваться с этим бурлящим, аки кипяток, болотом, да ещё и самым надёжным способом: сбежал в армию. Причём, сбежал в буквальном смысле, и как бы даже не из-под венца, а вернулся – счастливо женатым человеком и в статусе единственного владельца семейных регалий. Высший свет такой пощёчины стерпеть не смог... Но что вы сделаете человеку, у которого в личном пользовании целая эскадра и который с высоты класть хотел на все претензии по внешнему целеуказанию?!

Впрочем, подобные выходки были более характерны именно для Клокворка. Ганзейцы ещё не всех прелестей «элитарности» черпнули, и даже не двумя руками, и поэтому за свои высокородные причуды цеплялись, как клещи за собаку. Ганзейская массовая печать – и так выходящая на бумаге, качество которой производители недвусмысленно обозначали жёлтым цветом – сплошняком состояла из подробностей жизни привидений, и останавливаться этот чад кутежа по собственной воле явно не собирался...

На этом фоне, количество подробностей о внутренней кухне герцогства Амбрийского было минимальным. Торжественные церемонии на собственном аэродроме, приуроченные к очередной мемориальной реконструкции – не в счёт, это полноценные общегосударственные праздники... Однако! Даже среди своих сородичей – и живших, и здравствующих – наследница имени выделялась двумя вещами: очень уж частой смене супругов, дохнувших при ней словно мухи – и сравнительной немногословностью по этому поводу. Ну – откинулся очередной, ну – одним меньше, ну и что с того?! Во-первых, что ты мне сделаешь, во-вторых пошёл нафиг...

Количество скупых некрологов – и количество сопутствующих имени приставок, указывающих на степень родства – в досье миледи Цирцеи зашкаливало. Невольно наводя на известные размышления...

«Так-к... – хмыкнул про себя Гросс, ставя опустевшую кружку на стол и подпирая освободившейся рукой голову – задумчиво перебирая в пальцах кубик подвески. – В принципе, понятно,

с хрена ли. Такая смертность от неустановленных причин – сама по себе аномалия, у КОД для этого ни сил, ни возможностей. Но...»

Разрешить сомнение Кайту было нечем: он за светской хроникой принципиально не следил, и незнамо каким чудом согласился сохранить её записи в перекопированных из заводской картотеки архивных бумагах. Однако, подозрение в том, что дело очень и очень нечисто, укрепилось на одной из строк истории имения. Некогда – уже во времена открытия магической составляющей, но ещё до того, как она «ушла в народ» – там случился пожар, испепеливший центральную усадьбу до самого основания и ставший поводом для тотальной перестройки и непосредственно особняка, и вспомогательных служб, и утилитарных построек по современным стандартам. И всё бы ничего?!..

«... Но какой-то невеликого ума человек додумался возвести известную часть построек на пожарище. – оценивая кивнул чернокнижник, перечитывая запись ещё раз. – А делать это, без соответствующих процедур, довольно рискованно! Такие вещи привлекают потустороннюю живность, об этом знали уже во Вторую Великую... Как раз примерно когда трагедия и случилась... Тайная лажа или явная лажа?!»

Что одно, что другое – в понятиях чернокнижника классифицировалось как разные сорта одной нетонущей субстанции, возиться с которой ему было запаadlo. Зато – не запаadlo было другому человеку, в непосредственной к ней близости обитающему. В его придонную вотчину, помимо стоков из канализации, впадали и мутные воды слухов и сплетен, и эти потоки он умел фильтровать как никто другой. Это умение не раз спасало жизнь сему бесславному господину. И его помощью в этой истории не грешно было воспользоваться: только он мог сообщить наиболее скользкие детали жизни имения Карнштейнов, не попадающие в ежедневную хронику и отчёты полиции.

Водостоки Клокворка – место уникальное. Снабжающая город водой и отводящая из него всякую погань система была построена в бог весть какие времена и оплетала жилую и промышленную застройку невидимой обывателю сетью на десятки километров вширь и многие метры вглубь.

Фактически, Клокворк стоял на крыше колоссального комплекса по сбору и очистке канализационных и промышленных стоков и мусора. И внутри этого сооружения жили люди. Причём, жили они там едва ли не с тех самых пор, как у города возникла потребность в водоочистке. А так как гадит большое количество народу, собравшегося в одном месте, изрядно – то...

... То – здравствуй, Город-под-Городом, практически тот свет. И его полномочный посол на поверхности, Пауль дер Паулюс.

Вообще, этого мелкого, похожего на выхухоль господина, звали несколько иначе. Увы, никто не знал – как именно: эту тему он старательно в разговорах обходил, а поймать перекатывающийся на реактивной тяге шар, или хотя бы догнать, было нереально. При любой попытке схватить это порождение рода человеческого – оно с крысиным проворством исчезало в хитросплетениях всевозможных магистралей, и уже туда соваться было опасно. Заблудиться среди трубопроводов и кабелей, или убиться об них, подскользнувшись на какой-нибудь сырости, было меньшей из бед, и не самым сложным! Намного легче было сорвать предусмотрительно поставленную обитателями Города-под-Городом между ними противопехотную мину-растяжку (доказано опытом: способна убить даже тяжёлого пехотинца в механической броне), или набрести на охранительную печать с очень печальными последствиями. А уж встреча даже не с какой-нибудь богомерзкой тварью, порождённой в этом первородном бульоне, а просто с кем-нибудь подгорожан – и подавно обеспечивала самый дурной финал жизни из тех, которые только можно было представить.

Однако, попытки поймать Паулюса эти обстоятельства не останавливали. Он слишком много знал! А ещё – беспалевно проводил на городские склады различных культистов и диверсантов, позволяя им безнаказанно тырить оттуда гранаты, патроны и разнообразное пехотное вооружение. И уже только за это вся городская полиция клятвенно пообещала «выловить и высушить» этого Харона, переправляющего через смердящие гнилью реки разнообразные заблудшие души в раскинувшуюся под городом преисподнюю.

Более всего за сей позорный факт Паулюса не любил – угадайте-ка, кто?! Кто едва не отхватил с утра пораньше противотанковой ракетой? В кого сегодня кидались колючими ананасами со взрывонием внутри? Кому пришлось настучать этим гандболистам по башке ружейным прикладом, дабы более не нарушали безобразий?.. Пра-а-альна...

К тому же, с этими гранатами у Гросса была связана небольшая личная трагедия, помешавшая некоторым его жизненным планам и подведшая под сотрудничество с гражданской обороной. Так что громкий стук по железной створке ведущих под землю ворот, сопровождаемый звучным:

— Пауль!!.. Пауль!!! Вылазь, грязная крыса – я знаю, что ты здесь!!!

Прятаться от чернокнижника было бесполезно. Он, в отличие от простых смертных, имел бесценный опыт службы в моторизованной разведке и владел изрядным количеством хитрых способов

достать ближнего своего хоть с того света. И лучше было его гнев на свою голову не навлекать: он, в отличие от тех же простых смертных, священного трепета перед водостоками не испытывал, и совершенно не боялся туда заходить, в том числе и врываясь «с ноги».

Характерное похрюкивание, ставшее ответом на призывный клич, раздалось, однако, не из-за ворот, а немножечко сбоку. Каким образом это шарообразное тело протискивалось сквозь довольно частые прутья решёток – оставалось загадкой.

— Чего надо... – недовольно и резко пробурчал Харон, смешно причавкивая и, подтянув капюшон водостойкого плаща, по-крысячьи складывая ручки на брюхе. Миру открылся длинный тонкий нос с приплюснутым, как пяточек, кончиком и мелкие белесые глазки, делающие лицо с жидкими, но весьма длинными, усами реально похожим на выхухоль. – Ты кто такой. Канай отсюда, я тебя не знаю..!

То, что к нему пришёл его главный «почитатель» – «грязная крыса» понял не сразу. Кожаные куртки «военного» кроя с некоторых пор были по достоинству оценены полицией, и сотрудников высокого роста среди стражей порядка хватало... Да и вообще – форма одежды, подобная той, в которой обычно ходил чернокнижник, была среди простого люда весьма популярна за свою практичность и неприхотливость... Понял свою ошибку Пауль только когда тощая каланча подхватил его за загривок и хорошей баскетбольной подачей устроил на обычный для таких посиделок раздавленный диван, стоящий перед бочкой с вечно горящей в ней костром. Что именно у него там полыхало – также, как и всепролазность хозяина бочки, оставалось загадкой.

Сам «баскетболист» соизволил устроиться на стоящих напротив дивана ящиках из-под... Чего-то. Они тут стояли, неизменные, с бог весть каких ещё времён, и сиделось на лежащем поверх автомобильном сиденье вполне комфортно. И это – попрошу заметить!- среди почти никогда не высыхающей сырости, буквально под открытым небом!

Почему оно всё ещё не истлело в труху..? Ну да, ну да, ещё одна тайна природы.

— Припёрся, блин... На мою голову. – забубнил водосточный посол, надуваясь до ещё более шарообразного состояния. – Чего тебе опять, вчера только заходил?!

— Не бубни... Ёпта. – фыркнул Гросс ему в ответ, устраивая с тяжёлым звуком шлем на ящиках, заменяющих в этом уютном уголке стол. Каска пусто стукнула по дереву опустившимся забралом. – По безделью б не пришёл.

— Знаю я твои дела!.. Всё-то тебе лишь бы почём зря меня обижать.

— Чаю лучше — сделай? — необычно мирно для своего воинственного вида попросил чернокнижник, без особого успеха приглаживая растрепавшуюся шевелюру. — Мне нужны твои глаза и уши в подземном царстве.

Паулюс в ответ недоброжелательно хмыкнул... Но за чайником пошёл. Даром что стоял он тут рядом, на пристроенном к боку бочки квадрате из кирпичей — из-под которых просыпалась наружу догорающие угли. Вряд ли так можно было что-то вскипятить, но это «что-то», во всяком случае, не остывало.

Пока человек-выхухоль пыхтел над кипятком и топтал несоразмерно большими ботинками, Гросс выставил на эрзац-стол из кармана городскую новинку — пачку быстро завариваемого чая в пакетиках. Обычно, отношения с отваром растительных листьев у него были так себе. Остающееся после чая количество листьев было просто непотребным, а девать их на рабочем месте было особенно некуда. Кофе, по сравнению с ним, не давал никакого мусора, а вымыть чашку не составляло никакого труда. И в этом смысле чай, оставляющий после себя один цельный кусок трухи в обёртке, был вполне удобоваримым компромиссом.

«Не без минусов, конечно... Грязи после него всё равно дофига» — подумал Гросс про себя, удаляя упаковочную плёнку и осматривая бдительным взглядом выдумки пищевиков. В слабом свете кубика, свисающего с запястья на цепочке браслета, были хорошо различимы защитные знаки, нанесённые на упаковку и пакетики. Их плетение было несложным — «всего лишь» стандартные «Дезертум», для поглощения избыточной влаги, и «Одорум», закрывающий путь посторонним запахам, плюс «трансляционная» марка, питающая их энергией. Причём, если на самой коробке всё было до тривиального скучно — знаки расползались по всем её сторонам косицами проводников, замкнутых на знак реверса — то уже над непосредственно опускаемым в чашку складными пирамидками явно работал кто-то из сигнографов, да ещё с известной долей выдумки. Тонкая бумага была отформована фабричным методом так, что в сложенном состоянии знаки, внедрённые в лист, питались через нитку ярлычка с энергетическим знаком и блокировали нежелательные внешние воздействия — а в развёрнутом превращались в среднюю печать экстракции из двух кругов, не только позволяющую кипятку проникнуть к чайному листу, но и позволяющую ему забрать оттуда настой с вполне определённой концентрацией. Плюс, на нижней части красовалась «логическая» марка, свободно пропускающая жидкость внутрь, но выпускающая лишь при определённом её количестве снаружи.

«Экие выдумщики... – хмыкнул про себя Гросс, снимая с вершины пакетиков ярлычки и опуская их в никогда не убираемые с ящиков чашки. – Тоже, что ли, грязь разводить надоело? Так, глядишь, оно само, после известного количества заварок, самосжигаться будет...»

Претензии к работе всей этой многоуровнево тиснёной графики у чернокнижника, конечно, были. Но сама идея и общее её исполнение смотрелись, как минимум, симпатично.

Тяжело фыркая, прикатился Паулюс с чайником. Бурча под нос какие-то житейские проклятья, неторопливо разлил кипяток, из чашек повеяло пряным духом.

— Опять ты со своими шуточками. – просопел он, комично – и одновременно мерзко – подёргивая кончиком носа.

— Не жмись, давай наливай полней. – беззлобно ответил в тон ему Гросс, подёргивая пакетик за ниточку, дабы тот лучше развернулся. «Граням не хватает жёсткости...» – подумал он про себя, отмечая, что предусмотренную конструкторами форму бумага принимает неохотно... Но – всё-таки принимает.

— Подольше его там поддержи, чтобы лучше разошлось. – подсказал он человеку-выхухоли, который, едва успев набодяжить воды, поспешил вынуть бумажную пирамидку вон. – Его несколько раз заваривать можно.

Паулюс недоверчиво покосился на своего гостя, однако совету внял, принявшись бряцать в склеенной из множества с трудом подходящих друг к другу осколков кружке ложечкой, перештампованной из аптекарского шпателя. Причём, бултыхал он ей так старательно, что посуда жалобно стонала каждым своим швом, грозя развалиться вот прямо в сей же момент.

Пили чай они долго, молча таращась на красную от жара бочку. Разговаривать «за жизнь» у обоих повода не было: проблемы мусорщика и чернокнижника не совпадали ни в чём. И даже более: один из них был источником бедствий другого.

Водосточный Харон в своей жизни совершил, пожалуй, две самых больших ошибки. Во-первых, во время Третьей Великой он, как только объявили мобилизацию «третьей очереди», по-быстрому собрал манатки и исчез буквально из-под самого носа военкома. Проще говоря, дезертировал... В то беспокойное время подобным образом поступали многие, мотивы для этого у них были, и упрекать их за эти убеждения было, в некотором роде, стыдно. Всё-таки, давно уже не молодёжь, бегать по сопкам наперегонки с бронетехникой как-то не с руки, да и пасти эту же технику и авиацию на экранах радаров тоже никаких сил – а ведь штормградцы очень любят переходить линию фронта и просачиваться в

глубокий тыл, где даже одиночные оперативники, раскаченные колдовскими ритуалами и химическим дурманом, способны устроить кармагеддон! И хренушки ты от них отобьёшься – их для этого специально готовили всю сознательную жизнь, а тебя ещё вчера из-за прилавка выдернули и только сегодня автомат в руки дали...

Однако, благодаря этой сверхтекучести кадров, в армии Штальверка в какой-то период образовался лютейший дефицит рядового и офицерского составов! И именно в такое, сильно недоукомплектованное, подразделение попал по военному призыву Гросс! И это стоило ему обращения в нечто, что к роду человеческого причислить можно было лишь формально и с очень большой натяжкой.

Во-вторых же – что очень «удачно» совпало с «во-первых» – Паулюс додумался до того, чтобы расхищать клокворкские оружейные склады. Всё бы ничего?! В Город-под-Городами никому ходу нет, и творящиеся там дела на поверхности в принципе никому не ведомы... «Просто» в один хороший зимний день культисты, решившие навести на город суету, нарвались на мирно гуляющую пару – с которой и решили поделиться своим негодованием по поводу послевоенного уровня жизни. А говоря попросту – закидать гранатами. И, опять же: всё бы ничего?! Но: часть гранат не взорвалась, части повезло достать осколками девушку – а ухажёр прекрасной особы оказался...

... Ну, да: это он сейчас сидел напротив Паулюса на ящиках и пил с ним чай. Всей душой желая сдать его властям за разнообразные выходки, из-за которых в Клокворке не стихала по ночам оружейная пальба.

Но сегодня повод для визита у Гросса был другой.

— Чай хорошо, хорошо. Безусловно хорош. – похвалил новинку старый пройдоха, довольно причмокивая и потряхивая пакетик в надежде, что тот отдаст в кипяток больше положенного. В отличие от чернокнижника, чай он предпочитал очень крепкий, вплоть до появления в заварнике и на кружке несмываемой окраски. – Но ты ведь не чаи гонять ко мне пришёл.

Гросс совершенно утвердительно кивнул: не чаи гонять.

— ... Тогда зачем..?!

— Мне нужно всё, что ты знаешь о поместье де ла Карнштейнов.

Человек-выхухоль сделал очень лошадиное лицо, с удивлением посмотрев на своего собеседника:

— Ничего я о них не знаю..?! —брезгливо фыркнул он, заелозив на диване, но вцепившийся в него взгляд очень не способствовал уклонительству.

— Знаешь... — прищурился чернокнижник, ставля чашку на эрзац-столик и разминая пальцы свободной руки. На угрозу это пока не тянуло... Но долгое и продуктивное общение с сотрудником Коллегии не могло не научить Паулюса осторожности.

— И с чего бы я должен о них знать?!.. Они, вообще-то, ганзейцы. А я с ганзейцами — не дружу.

Пауль не врал. У ганзейцев был свой, плотно огороженный, участок городской застройки, где они хранили свои товары. И водосточный Харон однажды едва не сложил там свою пронырливую башку: автоматы не делали различий между незваными гостями и сразу открывали огонь на поражение. С тех пор чувства к этой братии у вухухоли были самые что ни на есть отрицательные.

Но он не на того напал.

— Задам вопрос конкретней. — вытащил Гросс из-за пазухи распечатанный портрет Цирцеи Димитреску де ла Карнштейн с завернутым в него приглашением и расправляя сложенный в несколько раз листок на «столе». — Что ты знаешь об этом событии и той, кто его организывает.

Пауль, собравшийся было выразить своё презрение к розыскной работе громким чайным хлопаньем, вынужден был очень удивлённо присвистнуть, отставив чашку в сторону. Что-то в облике смугловатой молодой женщины с короткими вьющимися волосами цвета крепко заваренного чая его, определённо, восхитило. Герцогиня, и вправду, была прекрасна — и то, что её взгляд, кажущийся из-за редких и коротких (и потому подрисованных) ресниц и подведённых стрелок избыточно узким, характерно щурился на правую сторону, её не слишком-то и портило. Даже наоборот: столь выразительная деталь — обычная для всех пилотов боевой авиации, налетавших на самолётах ещё Первой Великой несколько тысяч часов — как-то сама собой вошла в местные стандарты красоты... Постепенно, впрочем, изживаясь.

Человек-вухухоль, однако, на макияж и стрижку не повёлся. Внимательно изучил распечатку и приглашение на просвет. Недоброжелательно отметил избыток вытисненных на гербовой бумаге орденских знаков, прощупав каждый из них с той же дотошностью, с какой проверяют у пленных генералов воротники на предмет ампул с цианидом. Даже внимательно обнюхал документы, будто бы не верил в отсутствие какого-либо подвоха... И, наконец, заявил:

— Я бы к этой женщине не приближался ни на шаг..! От неё слишком прёт бесовщиной, и даже... Хр-р-р!!! Даже триггерём! Опасная тварь!..

Ощерившись, как разозлённая крыса, и захрапев дефектным носом, Пауль бросил бумаги на стол, подальше от себя.

— Я это уже понял. — кивнул Кайт, подбирая документы и забирая их в карман. — Но мне нужны детали.

— Детали ему нужны... Хр-р-р-р!.. Тут и без деталей: дело настоль мутное, что даже тёмное. Знаешь же, что она мужей меняет, как перчатки?!

— Как КраЗ «Крокодон» водителей, если точнее. — поправил его Кайт. Штальверкские грузовики Кременьского автомобильного завода славились своей неубиваемостью и работали в исключительно сложных условиях. Холод, жара, пыль, слабый грунт, жёсткое излучение — всё было им нипочём... А вот водители — увы, были совсем не железными.

— Точно-точно! Как «Крокодон» водителей!.. — торопливо фыркнул человек-выхухоль. — Три года — замуж! Три года — замуж!.. И это едва успев справить поминки по предыдущему. И заметь!.. Ты нигде не услышишь про то, как ей горестно терять возлюбленного; только что предлагает почтить память безвременно усопшего молодым вином. Ха!..

Ещё раз богомерзки фыркнув, старый дезертир спрыгнул с дивана, принявшись расхаживать туда-сюда, смешно шлёпая обувью не по размеру:

— Меня, знаешь ли, терзают смутные сомнения. По-моему, она что-то с ними делает!.. Как минимум, слухи про её прадеда, Гилберта «Синюю бороду» — хоть никто и не подтвердил, но никто не опроверг. А это уже основание подозревать...

— Из тысячи подозрений не составишь и доказательства. — хмыкнул чернокнижник, «просвечивая» бумаги огоньком кубика, но не находя там ничего особенного.

— Ну... Я не сыскарь?! Но ты же знаешь островную национальную головоломку «три-девять-три». — забулькал Паулюс в ответ. — Где ты либо пробуешь комбинацию цифр в квадрате — либо бесконечно перебираешь варианты.

С утверждением можно было только согласиться... После Третьей Великой головоломка, популярная в Островной Империи, нашла широкий круг поклонников на «материке». Несложная, вроде,

задача: поставить в таблице со стороной в девять клеток, разбитом на девять секторов, цифры от одного до девяти так, чтобы они не повторялись ни в строках, ни в столбцах, ни в секторах – выстрелила даже быстрее, чем в своё время классические «пятнашки» или куб Руфуса ле Маршана. Но если в те просто залипали в любое свободное время, разрабатывая стратегии более эффективного перемешивания чисел и цветов, то здесь народ начал выдумывать свои варианты, как самих таблиц, так и предварительно записанных в них чисел. И некоторых составителей подобных таблиц очень не любили за двойственность, а то и тройственность, вариантов расстановки цифр в клетках, разрешить которую можно было только перепробовав каждый из них.

— Если, кстати, ты заметил...

— ... Я не читаю газет, Пауль. – напомнил Харону чернокнижник, набрасывая на медном боку чайника несложную меловую вязь, в просторечии именуемую «термостатом».

— ... Сказал бы мне – я бы поставил. – просопел носом хозяин чайника. – Не люблю я все эти твои штучки.

— Но чай с ними, тем не менее, пьёшь...

— Короче: у Цирцеи нет детей даже после стольки подходов к теме... Это при том, что она слывёт весьма распутной дамой и в буквальном смысле скачет по штыкам! Если ты, конечно, понимаешь, в каком смысле...

Кайт только хмыкнул – причём во многом брезгливо. Для него такое поведение, особенно у женщин, было глубоким оскорблением вообще рода человеческого. Но – и если в целом – ни разу не являлось показателем. Он знал достаточно людей, которым их личная свобода была даже в изрядном возрасте дорога, и которые не испытывали той нужды, которая заставила бы их разделить житейские тяготы хотя бы с кем-нибудь. И его случай мог бы стать из этого правила исключением... Если бы не некоторые детали, которые сейчас можно было вынести за скобки.

— М-да, средства предохранения сегодня очень развиты. – покачал он головой, наливая себе свежего кипятку. Но Паулюс в ответ на это утверждение очень выразительно и интенсивно замахал руками:

— Нет-нет-нет-нет-нет!.. Ты не понял! Акцент на слове «весьма»!.. Ты слышал про такую подпольную забаву, как «разведка боем»?!

— Я газет – не читаю... А «Водосточный вестник» – особенно.

— Ибо издание нелегальное, и цензуре не подлежит. Да знаю я, знаю!.. – фыркнул выхухоль, запрыгивая обратно на диван и заново разбодяживая чай. – Только имею мнение: после таких скачек!..

— ... А избавь-ка ты меня от анатомических подробностей процесса размножения?!.. – приподнял Кайт тональность разговора, – Давно – пасть не полоскал?

— Коллега... – картинно окая, залопотал человек-выхухоль. – Мы всё равно оба останемся при своём, и нажрёмся я – мыла, а ты... Совсем не его.

— Но вывести с твоей шкуры блох я вполне успею.

Недобрый хруст разминаемых пальцев – теперь уже вполне угрожающий – Паулюс воспринял как надо. Хотя от бурчания, похожего на россыпь проклятий, Кайта это не уберегло...

Грозить Харону мылом было бесполезно: он, в отличие от других павших на дно жизни и города личностей, содержал себя в образцовом порядке и мог похвастаться редкой степенью ухоженности. Даже ходили определённые слухи, что посол Города-под-Городом был желанным гостем в целом ряде казино и публичных домов, что в изобилии раскинулись в пределах портового района... Но слухам в Клокворке верить – себя не любить. Хотя как знать?!

— Вообще... – Пауль звучно затянулся чаем, как неисправный водослив. – Есть мнение, что это твоё приглашение и поручение к нему – заказуха. Кто-то влиятельный очень на герцогиню зол! И явно хочет её замочить.

— По-моему – проще сказать, кто её не!-хочет замочить. – хмыкнул Гросс, совершенно не удивляясь осведомлённости своего информатора. Если он по одному только фото из открытых источников сумел вынюхать такие нелицеприятные подробности, то присутствие рядом с приглашением инфокарточки от него не скрылось бы тем более.

«Правда, меня терзают смутные сомнения... – задумался он над точкой зрения Харона. – Рубрика – контора не публичная, и переписку ведёт только служебную. Простым смертным просителям, да и не простым, и не смертным тоже, вход туда закрыт, для этого есть КОД. А если и приносится что-то мутной волной...»

От сомнений его отвлекло шуршание автора гипотезы о заговоре:

— Слушай — я оставляю пачку у себя? — поинтересовался выхухоль, с плохо скрываемым вожелением рассматривая упаковку чая своими мелкими глазёнками.

— Для того и приносил. — отмахнулся чернокнижник от него — силясь понять, как связаны между собой залётность хозяйки поместья, события, там бывшие и будущие, и поручение аж из самого штаба, к которому прилагалось приглашение, выпущенное очень ограниченным тиражом.

— Вот спасибо!..

— ... Только меня терзают смутные сомнения.

Пауль с каким-то заполошенным видом посмотрел на Кайта — будто тот собирался прямо сейчас кинуться на него и отобрать не только чай, но и что-нибудь ещё задаром. Однако, опасения напыжившегося и изготавившегося к рывку водосточного грызуна не сбылись, и вообще это было не про него:

— В письме было сказано про активность агентуры и вероятную ликвидацию кого-то важного... — проговорил чернокнижник, не раскрывая по существу служебной тайны: прятаться в этой формулировке могло что угодно.

Паулюс неожиданно ошарашил его ответом:

— Герцогиня Цирцея единственная референтная наследница по основной линии. — просопел он почти невпопад, ласкаясь с коробкой как кот с кустом мяты. — Все её побочные родичи, и вообще другие члены семьи, согласно решению геральдической комиссии имущественного права лишены.

Утверждение прозвучало как гром среди ясного неба — даром что говоривший изрядно «поплыл», и барахтался с коробочкой на диване как младенец с погремушкой.

«Агентурная деятельность? Единственная наследница? Что?!..»

В очередной раз чернокнижник поймал себя на мысли, что зря — зря-зря, очень зря!- не следит за политическими пертурбациями, как во собственно граде, так и в окружающем мире. Будь эта информация у него в картотеке — он бы сразу заподозрил неладное! Аэродром стратегической авиации — объект, слишком важный, чтобы оставлять его в чьих-то единственных руках. Тем более — таких, которым даже собственное домохозяйство доверить было стрёмно, дабы оно не разошлось по ломбардам, ростовщикам и рукам ухажёров.

«И как же так получилось-то?! Или когда там лётное поле под тяжёлые «Киреа» укатали?.. – подумал Гросс про себя, торопливо нахлобучивая шлем на башку и покидая совершенно позабывшего про него человека-выхухоль. – Сокко, ты мне должен всё больше и больше – и новый интердифрактограф в списке моих желаний самое малое из зол!»

Утро обещало быть исключительно весёлым!..

Обычно, Гросс на своём «Хэдквортере» (ну – НК же!..) «до трубы» газу не давал. Мотор, знаете ли, изделие сложное и капризное, и маневрирования мощностью не любит, ему стабильный режим работы подавай... Но стоило выехать с территории водосточного хозяйства – как немедленно загундосил сигналом вызова палм-пад.

«А тебе-то чего надо?! – в сердцах подумал Гросс, оторванный от сортировки предположений по ситуации с приглашением на элитную вечеринку ценителей спиртного по уровню их бредовости. – Кого там нелёгкая принесла! Люмен графика нейро, акт пактум..!»

Останавливаться, доставать телефон из кармана, возякать по кристаллу пальцами, разбираться, кто домогается – для лохов. Настоящие самураи и практикующие чернокнижники – отвечают на все входящие без разбору, не отрываясь от производства и исключительно силой своей эпичности!

— Слушаю!!! – гавкнул он сквозь встречный ветер и гудёж мотора, прибавляя скорости и едва не выходя на орбиту. Моро – да-да, тот самый деятель от частной медицины – по пустякам не звонил, особенно посреди ночи.

— Кайт!.. Я к тебе сейчас человека пришлю – он по твоей части, я в ваших фокусах не понимаю ни хрена! – с лёгкой паникой в голосе сообщил ему врач, хирург по специальности – успевая прежде, чем отключиться, рявкнуть куда-то в свои владения: «Ганс, держи его – не давай вырубиться! Разряд!!!»

Трубка повесилась Гроссу в ухо, так и не объяснив, какого же хрена происходит. Однако, во всём городе был только один Ганс, который настолько близко общался с «доктором Эрли», чтобы иметь право доступа в «чистую» зону. И именно этот самый Ганс был тем самым человеком, чьего присутствия Кайту хотелось бы избежать.

«Ну, вселенная! Спасибо тебе! Низкий поклон за заваленные выходные!.. – только что и смог выдать чернокнижник, сворачивая с нормальной общечеловеческой трассы на «подпольные» дворовые и служебные проезды. – Навигатус оптима, итер бревиссимум, трек инсигния люмис..!»

(Сеть вспомогательных улочек, по которым ездили обычно всякие магазинные развозчики и мусороуборочная техника, была, ни много ни мало, лайт-версией Города-под-Городом. В смысле, такой же обширной и запутанной, и по большей части точно так же пролегала под опорами виадуков. Более короткого пути домой придумать было невозможно... А ещё – карты этих коммуникаций были у Кайта по праву служебного пользования)

Однако, как только стальной конь причалил к родному для него гаражу, а его хозяин щёлкнул рычагом рубильника на щитке, зажигая свет – в уличную дверь мастерской забарабанили, ни много ни мало, целым кувалдометром.

— А вы ещё кто..?! – вслух удивился своей неожиданной популярности чернокнижник, подхватывая с полки под верстаком ружьё и подходя к затемнённой по ночному времени витрине... В мелькнувшем на бронестекле просвете ему показался весьма элегантный, но всё-таки кирпич служебной машины с флажками ВВФ на передних крыльях и такая же массивная фигура адмирала Глизетти в свете щурящихся триплексами круглых фар.

— Кайт, открой..! Я знаю, что ты здесь, и что ты мне не откажешь!.. – забарабанил флотский в дверь, которую (как и стекло) именно для таких случаев хозяин лавки брал в антивандальном исполнении с мелкой доработкой напильником в рукопашную.

«Блин... На что я трачу свою жизнь – Паулюс одобряет!» – недовольно покачал чернокнижник головой, открывая тамбурную и уличные двери и затаскивая высокопоставленное лицо внутрь.

— Чего шумишь, не буди гражданских... – укорил он его сквозь зубы, подпирая под локоть и усаживая на стоящую для подобных случаев скамейку внутри «приёмной». Помещение моментально наполнилось крепким винным духом – сигнализируя о том, что тело в утеплённом кителе употребляло не газировку, не вино и даже не коньяк, а что-то типа ракетного топлива.

— ... Ты мне сейчас нужен как никто другой..! – очень мрачно (и очень громко) прогудел Сокко как противотуманный ревун, раскрывая глубокое несогласие с собой и исключительный уровень деморализации.

— Поимейте совесть, товарищ адмирал!.. Вы в дрова, и с вами лучше не курить – пробздитесь, ласково просимо, в каптёрке?!

Медведь, которому в здании в своей защищающей от сквозняков форме одежды моментально сделалось душно, только бестолково замотал головой, пытаясь откреститься от попытки заботливо спровадить его дрыхнуть до утра на склад и надавить на срочность дела. Но всё, на что его хватило, укладывалось в два, не самых приличных, слова:

— Курва продигус!!!- исторгнул он из своей лужёной глотки, сотрясая весь дом от подвала до конька. Только прибавляя этим вопросов о том, кто его мог так заклевать: бранных слов что сам адмирал, что его товарищ-чернокнижник, в адрес женщин не позволяли.

— Я сейчас плюну на все приличия! Начерчу на ближайшем мешке печать-ретранслятор..! Пришпандорю кортиком её косоглазую парсуну!!! И отмудохаю так..!!!

«О-о-о!.. – присвистнул Гросс присно и суще, оценивая полёт фантазии адмирала. – Всё, этому точно больше не наливать... Где там гости-то от Эрли?!»

В одиночку успокаивать могучего медведя, способного своим чугунным лбом сокрушать кирпичи, хрустальные графины и бутылки из-под игристых вин и как нефиг делать навсегда сгибающего пополам большегрузные рессоры, как-то не хотелось. Вырубить этот комод можно было только уронив на него несгораемый шкаф!.. Который, к слову, что-то задерживался.

«Чего там у Эрли опять не так? Задушил, что ли, своего пришельца наркозом?! Или Ганс ему рёбра проломил на искусственном дыхании?! Вот!.. Правду в учебке говорили: если хочешь быть здоров – бей об пол всех докторов!»

(На самом деле, чувства к врачебному делу у Кайта были исключительно тёплые и всемерно благодарные. Но конкретно этот индивид, вытаскивающий из него по очередному побоищу осколки и пули, своей личностью вызывал неконтролируемое фейспалмометание)

«Стоп... Косоглазая парсуна? Какого хрена?! С кем вы там матрас не поделили, тащ-ш адмирал, кому уже паруса из наволочки поставили и ветром надули?!»

Мысленно Гросс вознёс небу мольбу, чтобы не выяснилось – чаянно или нечаянно – что адмирал решил поискать проблемы на свою дурную голову в зоне компактного проживания островитян. Порядки, бытующие на архипелаге Мару, весьма чувствительно отличались от континентальных, и

устроить там такой же кутёж, какой можно было повернуть в, скажем, припортовом районе Большого Клокворка... Ну, можно было только мечтать.

«... И вот не дай бог твоё высокопоставленное тело решило пощупать кого-то из их прелестниц в... Господи, почему у них всё не как у людей?! Как там их этот национальный наряд, на «ка»... Ка-мо? Ка-мю?! В общем, проблем с «Драконами» мне только не хватало!»

«Драконы» – для островитян суть то же ополчение, что и клокворкская Красная Гвардия, но отличающееся клановостью организации. Закрытые и жёстко обособленные территориально группировки «чешуйчатых» в известном смысле были проблемой – потому что регулярно выясняли отношения между собой вооружённым путём – но, в силу своего малого размера и отсутствия задач объять необъятное, порядка в их владениях было куда как больше.

— ... А давайте вы для начала проспитесь?! – на вполне законных основаниях наехал чернокнижник на своего гостя, улавливая доносящееся с улицы тарыхтение мотора. – Пробить фанеру вы всегда успеете... Равняйся, смирно! Слушай боевой приказ!

На удивление – приказной тон на Сокко подействовал. Флотоводец хоть и был в возрасте и статусе, позволяющих слать любого в пешее эротическое – но винные пары начисто отключали у него то полушарие мозга, которое отвечало за сознательную деятельность, и делали его похожим на типичный самолётоснаряд. Управление которым было таким же несложным:

— Пункт назначения: гостевая комната! Цель: кровать двуспальная обыкновенная! Задача: дойти, приземлиться, произвести сброс настроек боевой части до заводских, отключить питание! Курс: десять северо-западо-север, контроль, десять запад, контрольный створ, наведение в автоматическом режиме!.. Выполнять!

— Есть – выполнять!.. – грузно поднялся «Седина в бороду, бес в ребро»... Точно следуя пингвиньей походкой по прописанному ему маршруту: десять ступенек по лестнице, поворот на площадке налево, ещё десять ступенек, дверь гостевой комнаты...

Жалобный стон кровати и богатырский храп возвестили о том, что изделие оборонно-промышленного корпуса, запущенное с борта стратегического авиаракетоносца «Киреа» тип «Киросана», свою цель поразило. Можно было перестать беспокоиться за возможные коллизии и заняться, наконец, делом.

Ганса Вирхова, некогда штурмового пехотинца Темпесто Сикария (вооружённых сил Штальверка), за вполне определённые черты внешности звали Сейфом. Ростом он был громаден – доставая в любом приличном месте до самого потолка и собирая макушкой плафоны освещения – сложением и усами напоминал выбравшуюся на берег выдру, и если бы только не его лысина..!

Впрочем, в его внешности был и другой изъян – прямо связанный со знакомством с чернокнижником.

Большая часть тела была покрыта функциональными тату. И, по идее, большая часть всех этих узоров, опутывающих могучую фигуру по рукам и ногам, должна была обеспечивать взаимодействие с пехотной бронёй; а оставшаяся меньшая – не дать подохнуть в процессе прорыва в этой броне к вражеским позициям. Однако, полковые оккультисты, составляя конструкцию кругов печатей, что-то напутали в процессе – не то порядок их нанесения, не то их взаимное расположение, не то вообще в начертании знаков допустили погрешность... В результате, из их рук вышло нечто, что не удалось угомонить даже антипелагической бомбе с двумеритовыми поражающими элементами – которую штормградцы каким-то чудным образом увели у штальверкцев и скинули им же на голову. Ударная волна от взрыва несколько раз обошла планету, огненный шар видели где только не... А эта сволочь в одно рыло пересекла полосу петролитового заражения сначала – за линию фронта, а потом – из-за неё. И единственным, что его во всём этом беспокоило, был спёкшийся в цельный кусок чугуния бронепехотный доспех и отсутствие у армии Штормграда нормального пайка – в котором, дескать, слишком много острого соуса и совершенно нету тушёнки!

По идее, его ещё в момент взрыва должно было изжарить в собственном соку. Размолоть ударной волной! Сжечь вспышкой излучения! Отравить продуктами распада короткоживущих изотопов!.. Превратить его тело в кусок гниющего заживо мяса, у которого отказал иммунитет и обесцветилась кровь!.. Все плетения, наложенные на его тело, должны были выгореть под действием жёсткого излучения – или хотя бы самонейтрализоваться при взаимодействии компонентов краски и продуктов нуклидного распада?! Но – увы: вместо всего этого Сейф получил только лысину, да и то исключительно по собственной дурости и прожорливости.

Полковые врачи и мировые светила медицинской науки от подобного были, мягко говоря, в шоке. Тем более они были в шоке от того, что это чудовище, танканув урона на целый батальон (если не на дивизию), за неполный год своего пребывания в тылу успело: жениться, отгулять три отпуска вместо положенных двух, произвести на свет двух дочерей, получить отпускные, боевые и прочие служебные выплаты на несколько лет вперёд, перевестись в штаб, уволиться с действительной службы, зачислиться

в ряды военных инструкторов и съездить в две боевые командировки в Клокворк – вернувшись с медалями, видом на жительство и постоянным назначением на службу на новом месте.

Редкий тип, действительно редкий!.. Везде радионуклиды убивают своей активностью людей, но в советском Штальверке – люди своей активностью убивают даже самые ядрёные изотопы.

«В быту» – этот кусок броневое чугуния жил где-то в пригородах на своём участке и работал в пожарной бригаде инструктором по физподготовке по какому-то мало понятному графику. «На службе»?!..

— Так, палёная кошка... Объясняю в первый и последний раз. – бесцеремонно ввалился Сейф в мастерскую, передавая с рук на руки еле держащегося на ногах молодого человека, подозрительно бледного и вообще полудохлого. – Кто-то использовал его вместо инфокарты... Дальше разбирайся сам, я в этих ваших штучках не шарю ни фига.

«Оно и видно», – подумал Гросс, принимая жертву обстоятельств, повесившуюся ему на руку, и направляясь в глубину мастерской – туда, куда всякому постороннему вход был категорически противопоказан.

— Давай, устраивайся. – усадил он парня на своё рабочее кресло, взмахом руки требуя Вирхова себе на помощь. – Кто тебя так, рассказывай...

— Окстись, отче..! – гулко возразил чернокнижнику Ганс, останавливаясь на пороге в святую святых мастерской и приваливаясь к косяку. – Чего ты хочешь от вампирэ второй степени истощения?!

Не сказать, что известие Кайта шокировало... Но на своего товарища по истреблению врагов народа и отечества он посмотрел с нескрываемым презрением:

— А раньше сказать – не мог?! – демонстративно погрозил он Вирхову, на что Сейф только очень неопределённо развёл руками:

— А что – не видно..?!

— По тебе – не видно... Признаков разумности. – ответил он наложением ладони на своё лицо, оскорблённое таким пренебрежением к личному времени. – Уйди с глаз моих долой! Давай – чтоб я ни тебя, ни этого затора перед входом к моменту, когда закончу..!

— ... Могила, босс. — хмыкнул Сейф, тяжеломерно отваливая от стенки и, хрустнув шеей, отправляясь разруливать то недоразумение, которое сам же и наворотил. Водителем он был — просто от бога; в смысле, как будто только что вернулся с небеси и узнал, что человечество изобрело автомобильный транспорт. И если просто по улицам — или «по местности» — на своей полувнедорожной «эм — семьдесят второй» ещё как-то справлялся, то парковка для него была уже чем-то за гранью добра и зла. Особенно — на узких улицах Клокворка, и уж тем более в его жилых кварталах.

«Посторонись, чудовище!!!», — донеслось от входа под звук заводящегося мотора. Названный «чудовищем» индивид не замедлил, как ошпаренный, заскочить в открытую дверь и голосом Кортеза поинтересоваться:

— Едрить вы шумные... Что за войну опять вы тут устроили!!! Ни спасу с вами, ни сладу — грехи мои тяжкия!

— ... Ну тебя мне тут ещё не хватало!!! — гавкнул Гросс на попытавшегося пересечь порог мастерской полицейского, замахиваясь на него ружьём. — Выйди и закрой дверь с той стороны — пособи этому монстру автострады разъехаться!

Прогнав нежелательных гостей и с вполне слышимым рычанием исчезнув куда-то лишь самому себе ведомым способом ствол, Гросс, недовольно покачав головой, наконец-то смог уделить внимание своему гостю, явленному под его очи по какому-то критически важному делу.

В важности поручения чернокнижник даже не сомневался — в противном случае, молодой человек не стал бы доводить себя до того состояния, в котором пребывал сейчас. Почти выпцветшая радужка, очень бледная даже для существа, которому противопоказан солнечный свет, кожа, трясущиеся в ритме барабанного соло руки, да и общая потасканность — были слишком выразительны. Как и след на шее, совершенно точно оставшийся от какого-то из инструментов Моро.

«Наверняка ударная доза гликированного гемоглобина с аскорбином», — припомнил Кайт всё, что знал об особенностях реанимации полуночных кровопийц. Сложное искажение обмена веществ — обычно наследственное, но нередко и приобретённое — делало своих жертв на редкость хрупкими созданиями, вынуждая их вести очень осторожный и предельно внимательный к себе образ жизни. Исключительно чёткое соблюдение личной гигиены, предельно точное следование диете с особым образом приготовленными продуктами, богатыми железом — особенно в виде гемоглобина — и соблюдение режима питания, целый набор препаратов для адекватного усвоения этого презренного

металла и широкого перечня белков, отличных от кровавого... Сущее мучение! Пусть даже и со своими плюсами в виде идеального ночного зрения, острейшего слуха и невероятной прыти.

«Впрочем, чья бы корова мычала», – припомнил Кайт, как и благодаря чему стал тем, кем стал, и за что конкретно был обозван «палёной кошкой».

— Так, уважаемый. Сразу к делу. – кивнул он развалившемуся в его рабочем кресле пришельцу, замечая в его облике не очевидную на первый взгляд странность: след на шее парня принадлежал не медицинской игле. И вообще – с медициной сообщался только в области патанатомии, и, конкретно, в кой её части, которая описывала поражения тела от сконцентрированного излучения.

У чернокнижника у самого были подобные – начертание разнообразных хитрых знаков производилось мелом с определённым изотопным составом, и эти изотопы достаточно характерно жгли ладони и пальцы. Хотя бы и потому, что для ряда часто употребляемых знаков требовался непосредственный контакт с кожей начертателя. Но они, обыкновенно, были характерно пигментированными пятнами и язвами... Но никак не ямками – или, как в данном случае, бороздами, да ещё и довольно глубокими. К тому же, обугленными по краям.

«Это что ещё за чертовщина?!» – подумал он, краем глаза наблюдая, как его гость с оглушённым видом расстёгивает дрожащими руками рубашку, открывая идущие по тонкой бледной коже линии какого-то плетения.

Выжженные линии. И отнюдь не «огнём» изотопов.

— Кто это сделал. – резким голосом спросил он у суеющегося парня, который, нервничая, позабыл человеческую речь. – Где и чем тебя так.

Вампир, услышав обращённую к нему реплику, только бестолково затряс головой, пытаясь сообразить, что ему сделать раньше – сказать или показать.